

ЭТИМОЛОГИИ

КНИГА I

О ГРАММАТИКЕ

I. О НАУКЕ И ИСКУССТВЕ. [1] Наука (*disciplina*) берет имя от научения (*a discendo*), отчего может зваться и знанием (*scientia*)¹. Ведь знание (*scire*) идет от научения (*discere*), ибо лишь тот из нас знает, кто научился. По-другому наука — от полноты научения (*discitur plena*). [2] Искусством (*ars*) же зовется то, что строится на жестких (*artis*) правилах и предписаниях. По другим, слово это выводится греками ἀρτέ τῆς ἀρετῆς, то есть ‘от доблести’, каковой они почитали знание². [3] Различие между искусством и наукой Платон и Аристотель полагали следующее: искусство — в вещах, которые могут обстоять и так, и иначе, наука же предметом своим имеет то, что не может оказаться никак иначе. А именно, когда нечто исследуют истинными рассуждениями (*disputationibus*), это наука; когда же рассматривают нечто, лишь на истину похожее и от мнения зависящее, это будет называться искусством³.

II. О СЕМИ СВОБОДНЫХ НАУКАХ. [1] Наук, составляющих свободные искусства, всего семь. Первая грамматика, то есть умение говорить. Вторая риторика, каковая почитается необходимейшей в гражданских делах за блеск и богатство своего красноречия. Третья диалектика, прозванная логикой, которая тончайшими доказательствами отделяет истинное от ложного. [2] Четвертая арифметика, обнимающая причины и разделения чисел. Пятая музыка, занятая песнями и песнопениями. [3] Шестая геометрия, охватывающая меры и измерения земли. Седьмая астрономия, объемлющая закон звезд.

III. ОБ ОБЫЧНЫХ БУКВАХ. [1] Основы искусства грамматики — обычные буквы (*litterae*), дело писцов и счетоводов. Их наука — это как бы детство искусства грамматики, почему Варрон и называет ее грамотейством (*litteratio*)⁴. Буквы же суть указатели вещей, знаки слов, чья сила такова, что сказанное отсутствующими доносится до нас без звучания голоса. [Слова тут проникают через глаза, не через уши.]⁵ [2] Использование букв придумано ради памяти о вещах: дабы не ускользали в забвение, их связывают буквами. При столь великом

1 Cp. Aug. *Soliloq.* 2.11.20: *Disciplina enim a discendo dicta est, etc.*

2 Cp. у Доната (Ter. *Andr.* 30: *ars ἀρτέ τῆς ἀρετῆς dicta est per συυκοπήν*) и многих других латинских грамматиков, начиная с Варрона (fr. 233 Funaioli).

3 Cp. Cassiod. *Inst.* 2.3.20. Имеется в виду различие между ἐπιστήμη и τέχνη по их предмету — неизменному и изменчивому соответственно, ср. Arist. *EN* 1139a5–15.

4 Var. fr. 235 Funaioli, ср. Aug. *Ord.* 2.12.35.

5 Выражение *signa verborum*, возможно, отсылает к Иерониму, который не раз обращает внимание на нестыковки устной речи и записи — ср., например, *Epist.* 118 (34) и особенно

разнообразии вещей нет возможности ни изучить их все на слух, ни удержать в памяти. [3] А имя *litterae* — почти *legiterae*, оттого что буквы торят путь (*iter*) читающим, либо потому что при чтении повторяются (*iterentur*).

[4] Буквы латинские и греческие очевидно происходят от еврейских. Ведь среди еврейских первым идет алеф, вот и у греков, по схожему произношению, первой считается альфа, а засим и А у латинян. Переводчик создавал букву из похожего звука другого языка⁶, откуда можем уяснить, что язык еврейский есть мать всех языков и всех букв. Однако евреи используют двадцать два буквенных элемента, по числу книг Ветхого завета, греки же — двадцать четыре. Латиняне стоят посерединке между обоими языками, имея двадцать три элемента. [5] Еврейским буквам начало положено Моисеем в Законе; сирийским и халдейским — Авраамом. Оттого и соотносятся с еврейскими и числом, и звучанием, только начертания рознятся. Египетские буквы изобрела и передала египтянам царица Исида, дочь Инаха, прибывшая из Греции. У египтян, однако, жрецы пользуются одними буквами, а простой народ — другими; жреческие — это *ἱεράς, πανδήμιος* — простонародные.

Использовать греческие буквы впервые придумали финикийцы; вот и у Лукана (*Bell. civ.* 3.220–221):

Phoenices primi, famae si creditur, ausi
mansuram rudibus vocem signare figuris.

Если молве доверять, финикийцы впервые дерзнули
Звуки людских голосов закреплять в новосозданных знаках⁷.

[6] Оттого и пишут в книгах заголовки финикийским цветом⁸, что начало буквам положено от финикийцев. Первым Агеноров сын Кадм завез в Грецию из Финикии буквы, числом семнадцать: А, В, Г, Д, Е, Ζ, Ι, Κ, Λ, Μ, Ν, Ο, Π, Ρ, Σ, Τ, Φ. К ним Паламед во времена Троянской войны добавил три других: Η, Χ, Ω. Впоследствии Симонид Мелик добавил еще три: Ψ, Ξ, Θ⁹.

117 (47): «signa ac furta verborum volubilitas sermonum obrueret (бойкость речей подавляла знаки и хитросплетения слов)».

6 *Translator*: ‘переводчик’ относится здесь к создателю азбуки.

7 Здесь и далее «Фарсалия» Лукана — в пер. Л. Е. Остроумова под ред. Ф. А. Петровского.

8 То есть красным (*ruber* ‘красный’, откуда ‘рубрика’).

9 По Плинию Старшему (7.56.192), Кадм завез в Грецию из Финикии алфавит из 16 букв, к которым по четыре других добавили Паламед (Ζ, Ψ, Φ, Χ) и Симонид (Υ, Ξ, Ω, Θ); здесь же Плиний приводит мнение Аристотеля, что первоначальный алфавит содержал 18 букв и что Ψ и Ζ были добавлены скорее Эпихармом, чем Паламедом. У Георгия Кедрина (*Comp. hist.* 220.14–21 Bekker) Паламед — создатель исходной 16-буквенной (Α, Β, Γ, Δ, Ε, Ι, Κ, Λ, Μ, Ν, Ο, Π, Ρ, Σ, Τ, Φ) азбуки, дополняемой Кадмом Милетским (Θ, Φ, Χ), Симонидом ‘Хиосским’ (Η и Ω) и Эпихармом Сиракузским (Ζ, Ξ, Ψ). Симонид Кеосский (*Melicus* у Плиния и Исидора, ὁ Χίος у Кедрина, Μελικέρτης в *Суде*, s.v. Σζωνίδης, ок. 556–468) — известный греческий лирик (не путать с Семонидом Аморгосским); Эпихарм Косский (иначе Комик или Сиракузский, ок. 540–450) — знаменитый комедиограф, которого превозносил платоновский Сократ; из Платона же (*Ap.* 41b и *Phdr.* 261b) мы узнаём об ученой деятельности Паламеда — важнейшего персонажа Троянской драмы, о ком ни слова у Гомера.

[7] Букву У впервые изобразил символом человеческой жизни Пифагор Самосский: нижний отросток означает ранний возраст, еще не определившийся и до поры не отдавшийся ни пороку, ни добродетели. К развилке сверху подступают в юности: правый путь крут, но устремлен к жизни блаженной; левый легче, но ведет к гибели и смерти¹⁰. Вот как у Персия (*Sat.* 3.56–57):

Et tibi qua Samios deduxit littera ramos,
surgentem dextro monstravit limite callem.

Ты, для кого развела самосские веточки буква
И указала идти, поднимаясь по правой тропинке¹¹.

[8] Всего у греков пять мистических букв. Первая У, о которой мы только что сказали. Вторая Θ, каковая смерть [означает]. Ибо судьи помечали сей буквой Θ имена тех, кого обрекали на смерть. И зовется она тета ἄλλο τοῦ θανάτου, то есть от смерти. Потому и перерезана посередине копьем (*telum*), то есть знаком смерти. Кто-то сказал о ней (*Enn. Ann.* 625 Vahlen):

O multum ante alias infelix littera theta.

Много больше других несчастливая буква ты, тета¹².

[9] Третья Т, являющая образ креста Господня, отсюда и в еврейском толкуется как 'знак'. Об этом у Иезекииля вложено в уста ангела (*Иез.* 9:4): «Пройди посреди Иерусалима, и на челах людей скорбящих, вздыхающих сделай знак Тау»¹³. Оставшиеся две буквы, первую и последнюю, востребует себе Христос. Ибо он начало и конец, сказавший: «Я есмь Альфа и Омега» (*Откр.* 1:8). Ведь они стекаются одна с другой: А скатывается в Ω, а Ω разворачивается обратно в А, ибо так являет в себе Господь одновременно и течение начала к концу, и течение конца к началу.

[10] Все буквы у греков не только в слова складываются, но и числа указывают. Так, альфа в качестве числа означает у них единицу. Где пишут бету, имеют в виду двойку, где гамму — тройку по их счислению, где дельту — четверку, и так же все прочие буквы имеют у них числовое значение. [11] Латиняне же числа к буквам не причисляют, но лишь складывают слова из букв, за исключением нескольких, являющих начертания чисел, а именно I для единицы, C для сотни, D для пятисот, L для пятидесяти, T для тысячи, V для пятерки, а также буквы X, каковая по форме означает крест, а как число — десятку¹⁴.

10 Ср. *Serv. Aen.* 6.136.

11 Перевод Ф. А. Петровского.

12 О. Скутш (*Skutsch* 1986) тоже относит эту строку к «Анналам». Русский перевод мой — А. Г.

13 Буква тау, в позднейшем начертании Л, в палеоеврейском письме, как и в исходном финикийском, напоминала крест, и ее название могло пониматься как просто 'знак, метка' и даже 'личная подпись' (ср. 'ל' в *Иов.* 31:35).

14 Линдсей не принял этого развернутого текста ряда рукописей, оставив лишь толкования букв I и X. Обратим внимание, не вдаваясь в подробности, что символ M для тысячи — довольно позднего происхождения.

IV. О ЛАТИНСКИХ БУКВАХ. [1] Латинские буквы впервые передала итальяцам нимфа Кармента. Карментой же наречена потому, что пела грядущее в песнях (*carminibus*). А собственное имя ее было Никострата. Буквы бывают обычные либо книжные (*liberales*). [2] Обычные называются так потому, что многие обычно ими пользуются, например для чтения или письма. Книжные же зовутся так потому, что лишь тем они знакомы, кто пишет книги (*libros*) и кому известно, как правильно говорить и диктовать. [3] Буквы бывают двоякого рода: прежде всего, они разделяются на гласные и согласные. Гласные суть те, что разнообразно произносятся прямо из раскрытой глотки, не встречая по пути никакого препятствия. И называются гласными, поскольку уже сами по себе наполняют голос и образуют слог, без какой-либо примыкающей согласной. Согласные — это те, что производятся различными движениями языка или смыканием губ. И называются согласными, потому что сами по себе не звучат, но оглашаются лишь в сочетании с гласными. [4] Согласные разделяются на два разряда: полугласные и немые. Полугласными называются такие, что имеют в себе как бы половину гласной. А именно, начинаются с гласной E, а заканчиваются своим естественным звуком, [как F, L, M и так далее]¹⁵. Немыми же называются потому, что без приставленных к ним гласных вовсе не могут вырваться. Ведь если отнять у них звук примыкающей гласной, то буква прозвучит лишь неким спертым рокотом (*mirmur*), [как B, G, D и так далее]. Гласные, полугласные и немые обозначались древними как 'звучные', 'полузвучные' и 'беззвучные'. [5] Гласные I и U у грамматиков получают разные значения¹⁶. [6] Ведь они бывают то гласными, то полугласными, то промежуточными. Это гласные, поскольку, стоя отдельно, они образуют слоги и сочетаются с прочими согласными. Согласными они считаются, поскольку иногда имеют после себя гласные в тех же слогах, как в *lanus* или *vates*, и почитаются за согласные. [7] Ну а промежуточными зовутся вследствие того, что они одни по природе дают промежуточное звучание, как в *illius* или *unius*. В сочетании с другими [буквами] они звучат насыщенной, как в *lanus* или *vanus*. Взятые отдельно, дают один звук, в сочетаниях — другой. I иногда зовется двойной — потому что всякий раз, как оказывается между двумя гласными, считается за два согласных, как в *Troia*: здесь ее звук удваивается. [8] А буква U порой — вообще ничто: ни гласная, ни согласная, как в *quis*. Не гласная, потому что следующей идет I, но и не согласная, потому что спереди Q. Вот и выходит ничто, коль скоро это и не гласная, и не согласная. Греки называют ее дигаммой, когда она примыкает к такой же самой либо другим гласным. А дигаммой зовется потому, что это сдвоенная буква наподобие F, заключающая в себе две гаммы, и дигаммой же грамматики могут называть сочетающиеся похожим образом гласные, например в *votum* или *virgo*.

15 То есть буквы, чьи названия начинаются с E — помимо перечисленных, сюда относятся еще N, R, S и X.

16 Следует помнить, что *u* и *v* (так же как *i* и *j*) — лишь варианты начертания одной и той же буквы латинского алфавита.

[9] Среди полугласных некоторые называются плавными, потому что порой, поставленные в слог после других согласных, как бы истаивают и исключаются из метра¹⁷. Таких плавных у латинян две — L и R, как в *fragor* [‘треск’] и *flatus* [‘дуновение’]. Оставшиеся две, M и N, находим у греков, например в слове *Mnestheus*. [10] Древнее письмо содержало семнадцать латинских букв. По этой причине их именуют еще ‘законными’: они либо начинаются с гласной E и заканчиваются немым звуком, как в случае согласных¹⁸, либо начинаются своим собственным звуком и завершаются E, как немые, [и это A, B, C, D, E, F, G, I, L, M, N, O, P, R, S, T и U].

[11] Буква H была добавлена позже только для придыхания. Поэтому многие и считают ее просто придыханием, а не буквой, меткой придыхания, коль скоро оно вызывает повышение голоса. Ведь придыхание означает некий всплеск звука (*sonum uberius elatus*) — в противоположность просодии, которая есть ровное выведение звука. [12] Первым приобщил к латинским буквам K школьный учитель Сальвий, дабы обозначить различие в звучании между буквами C и Q; однако она прозвана избыточной, поскольку считается излишней: за исключением слова *Kalendae*, мы неизменно пользуемся C¹⁹. [13] Буква Q не произносится ни греками, ни евреями. Помимо латинского, ее нет ни в каком другом языке. Да и тут прежде не было. Ее тоже зовут избыточной, поскольку древние всегда писали взамен C.

[14] Буква X у латинян отсутствовала до времен Августа, [и не случайно появилась в то время, когда прославилось имя Христово, ибо пишется знаком, являющим образ креста], а вместо нее писали C и S; оттого и зовется она двойной буквой, что заменяет C и S, отсюда и имя ее, сложенное из этих двух букв.

[15] У греков латынь заимствовала две буквы, Y и Z, как раз для написания греческих имен: до Августа их тоже не использовали, но вместо Z ставили два S, как в *hilarissat* [‘веселит’], а вместо Y писали I.

[16] С каждой буквой сопряжены три вещи: имя, каким она называется; начертание (*figura*), каким запечатлется; и значение (*potestas*) — какая считается гласной, какая согласной. К этим трем добавляется и порядок, то есть какая идет впереди, какая следом, например A первая, вслед за ней B. У всех народов A — первая буква, потому что именно с нее прорезается голос у новорожденных. [17] Названия же буквам народы вывели из звучания собственного языка, пометив и различив устные звуки. Как только звуки взяты на заметку, им сообщают имена и начертания. Начертания же образуются отчасти произвольно,

17 В латинской метрике слог с двумя согласными вслед за краткой гласной считается долгим, но если вторая согласная — L или R, ее можно не учитывать (решает поэт).

18 Чуть выше примерно так определялись ‘полугласные’.

19 И. Фунайоли (Funaioli 1907: 3 и x) считает, что Исидоров *Salvius Iudimagister* — это в действительности Спурий Карвилий, который по Плутарху (*Quest. Rom.* 59 и 54) был отпущенником Спурия Карвилия Руги, консула 234 г. до н. э., первым открыл в Риме грамматическую школу и, наконец, тоже изобрел букву — только *g*, а не *k*. Ошибается Исидор и с датировкой начала использования буквы *x* чуть ниже.

отчасти по звучанию букв. Например, I и O: один звук тонкий, поэтому изображается тонкой палочкой, другой тучный, отсюда и в начертании полнота. Значение сообщила природа, человеческий произвол — порядок и долготу. [18] Древние и знак долготы [арех: 'вершину'] причисляли к буквенным символам. Вершиной он называется потому, что обозначает долготу в стопе и пишется в наверхшии буквы. Это ровно выведенная поверх буквы линия. [Начертание же есть то, чем пишется вся буква в целом.]

v. О ГРАММАТИКЕ. [1] Грамматика есть наука правильной речи (*recte loquendi*), начало и основа свободной учености. Среди наук она была изобретена после обычных букв, дабы уже наученные буквам узнавали с ее помощью устройство правильной речи. Грамматика получила имя от букв — ведь греки называют буквы *υράματα*. [2] Искусством же зовется, поскольку строится на жестких правилах и предписаниях. По другим, слово это выводится греками *ἀπό τῆς ἀρετῆς*, то есть 'от доблести', каковой они почитали знание. [3] Речь (*oratio*) называется так потому, что это как бы уст лад (*oris ratio*)²⁰. Ведь 'держат речь' означает 'говорить', 'сказывать'. Речь есть осмысленное сплетение (*contextus*) слов. Бессмысленное же сплетение — не речь, поскольку уста тут лада не ведают. Речь наполнена смыслом, голосом и буквами. [4] Разделов искусства грамматики кто-то насчитывает тридцать, как-то: восемь частей речи, членораздельный голос, буквы, слог, стопы, ударения, препинания, знаки-метки (*notae*), орфография, аналогия, этимология, глоссы, различения, варваризмы, солецизмы, пороки, метаплазмы, фигуры, тропы, проза, размеры, сказки, истории.

vi. О ЧАСТЯХ РЕЧИ. [1] Первым Аристотель положил две части речи — имя и глагол; Донат впоследствии определил восемь. Но все возводятся к тем двум главным, то есть имени и глаголу, каковые обозначают лицо и действие. Остальные — лишь приложения, берущие начало из тех двух. [2] Так, местоимение рождается из имени, выполняя службу последнего, например *orator, ille* ['оратор, он']. Наречие рождается от имени, как *doctus, docte* ['ученый, учено']. Причастие — от имени и глагола, например *lego, legens* ['читаю, читающий']. Союз же, предлог и междометие имеют место в связи с вышеназванными. Оттого и определяют иные только пять частей речи, раз эти последние избыточны.

vii. ОБ ИМЕНИ. [1] Имя (*nomen*) — это как бы помета (*notamen*), чьим нарицанием вещи становятся нам известны (*notas*). Не знаешь имени — пропадает и знание вещи.

Имена собственные называются так потому, что они особенные — обозначают одно и только одно лицо. Есть четыре вида имен собственных: преномен, номен, когномен и агномен²¹. Преномен назван так, поскольку ставится перед

20 Cp. Hier. *Epist.* 140 (139): «'Oratio' iuxta grammaticos omnis sermo loquentium est, cuius etymologian sic exprimunt: 'oratio est oris ratio' ('Речью' грамматики называют всякое слово говорящих, объясняя этимологию так: 'речь есть уст лад')».

21 Личное имя; родовое имя; родовое прозвище, фамилия; личное прозвище.

именем, например *Луций, Квинт*. [2] Номен — потому что помечает род, например *Корнелий*: все в этом роде Корнелии. Когномен — потому что присоединяется к номену, как *Сципион*. Что до агномена, то это вроде приписка к номену, например *Метелл Критский*, им же покорен Крит: агномен привносится неким внешним обстоятельством. В народе его называют также прозвищем (*cognomentum*) — коль скоро он добавляется для опознания имени (*nomini cognitionis*), или поскольку при имени состоит (*cum nomine est*).

[3] Наричательные имена называются так потому, что это имена общеупотребительные и нарекающие множество значений. Они делятся на двадцать восемь видов, из которых вещественные (*corporalia*) — это то, что можно увидеть либо пощупать, как *небо* или *земля*. [4] Невещественные — поскольку бестелесные, а значит, их нельзя ни увидеть, ни пощупать, как *истина* или *правосудие*.

[5] Общие — поскольку сказываются о множестве вещей, как *животное*. Ведь животное — это и человек, и конь, и птица. [6] Частные — поскольку указывают на часть, например *человек*: ведь человек — вид животного. [7] Основные — поскольку стоят на первом месте и ниоткуда не выводятся, как *гора* или *источник*. [8] Производные — поскольку выводятся из другого имени, как *горный* — от *горы*. [9] Уменьшительные — поскольку преуменьшают значение, например *гречишка* или *учителишка*. [10] Уменьшительные по звучанию, которые звучат как уменьшительные, но по смыслу являются основными, например *таблица* или *сказка*. [11] Всегреческие имена, поскольку от начала до конца склоняются по-гречески, как *Каллисто*. Так говорит и грек, и латинянин. [12] Вселатинские имена, поскольку целиком изменяются по-латыни. Грек говорит *Одиссей*, латинянин — *Улисс*. [13] Средние, названные так потому, что отчасти относятся к греческим, отчасти к латинским. Они же и полукровки (*notha*), поскольку коверкают заключительные слоги, не меняя предыдущих: например, у греков *Александрос*, *Менандрос*, у нас — *Александр*, *Менандр*. А полукровками зовутся, потому что так говорят о всяком, рожденном от чужого рода. [14] Синонимы, то есть многоимения, когда во многих именах заключено одно значение: например, *земля*, *почва*, *суша*: всё это — одно и то же. [15] Омонимы, то есть одноимения, когда в одном имени много значений, например *холм*: это и невысокая гора, и пригорок, и могила: имя одно, а значения разные. [16] Относительные — поскольку имеют отношение к другому лицу, как *учитель*, *господин*, *отец*. [17] Так же именуются те, что имеют некоторое отношение к чему-то исходя от противоположного значения, как *правый*: ведь не будь *левого*, и о *правом* нельзя было бы высказаться. [18] Далее, качественные имена — ибо через них показывается некое качество, например *умный*, *красивый*, *богатый*. [19] Количественные — поскольку производны от меры, как *длинный* или *короткий*. [20] Патронимические — поскольку производны от отцов, например *Тидеид*, ‘сын Тидея’, *Энеид*, ‘сын Энея’; впрочем, могут выводиться и от матерей или более дальних предков. [21] Ктетические, то есть притяжательные, от принадлежности, как *Евандров меч*. [22] Эпитеты, которые по-латыни зовутся прилагательными либо возлагательными, — поскольку

прилагаются к именам для восполнения их значения, например *великий, ученый*: полный смысл получается, как только они приложены к лицам, например *великий философ, ученый человек*. [23] Имена деятелей (actualia) — от действия, как *вождь, царь, гонец, кормилица, оратор*. Племенные — от рода-племени, как *грек, римлянин*. [24] Отческие — от отчизны, как *афинянин, фиванец*. Местные — от места, как *пригородный*. [25] Отглагольные — потому что выводятся от глагола, как *читатель*. Причастные — поскольку внешне напоминают причастия, например *некто читающий*. [26] Глаголоподобные — от сходства с глаголом, как *contemplator*. Ведь это и глагол в повелительном наклонении будущего времени, и имя, поскольку допускает сравнение²². Все эти виды происходят от нарицания имен.

[27] Вторая часть имени — сравнение. Сравнение называется так потому, что отдает предпочтение чему-то одному в сравнении с другим. Степеней сравнения три: положительная, сравнительная и превосходная. Положительная — потому что полагается за основу сравнения, например *ученый*. Сравнительная — потому что оказывается предпочтительней в сравнении с положительной: *более ученый* — знает больше ученого. Превосходная — потому что предпочтительней даже сравнительной степени: *ученейший* — знает больше более ученого.

[28] Род имен (genera) — от способности порождать, как мужской и женский. Иные имена не имеют рода (non sunt genera), он им навязывается суждением и мнением. Средний — поскольку ни то, ни се, то есть ни мужской, ни женский. Общий — поскольку двумя родами сообщает одно имя, например *hic canis* [‘этот пес’] и *haec canis* [‘эта сука’]. [29] Противоположность этому — эпицен [επίσειον: ἐπίσειος]: оба пола выражаются здесь посредством одного рода, например *hic piscis* [‘эта рыба’]. Ведь ни по природе, ни на глаз пол рыбы не различишь, ответ подскажет только опыт, а значит, пол тут неопределенный. Всеобщий род — поскольку служит всем родам сразу: мужскому и женскому, среднему и общему — всем вообще.

[30] Число — поскольку с его помощью имена преподносятся в единственном либо множественном числе. Форма — поскольку имена могут быть простыми и сложносоставными. [31] Падеж — от падения; по падежам имена выпадают и изменяются при склонении. Именительный падеж — поскольку мы именуем нечто с его помощью, как *этот учитель*. Родительный — потому что выясняем через него чей-то род, например *сын этого учителя*, или обозначаем некую вещь: *книга этого учителя*. [32] Дательный — ибо показываем через него, что даем нечто кому-то: *дай этому учителю*. Винительный — потому что посредством него обвиняем кого-то: *обвиняю этого учителя*. Звательный — поскольку с его помощью зовем кого-то: *о учитель*. Отложительный — потому что им показываем, что уносим нечто у кого-то: *забери у учителя*.

22 Императив глагола образован от *contemplor* ‘рассматривать’. Отглагольное же существительное *contemplator* ‘наблюдатель’ не может иметь степеней сравнения (признак прилагательных) — Исидор, вероятно, имел здесь в виду склонение. Ср. далее переход от нарицания (существительных) к сравнению (прилагательным).

[33] Гексапторы — это имена, имеющие различные формы в шести падежах, как *unus* [‘один’]. Пентапторы изменяются в пяти падежах, как *doctus* [‘ученый’]. Тетрапторы склоняются лишь в четырех падежах, как *latus* [‘бок’]. Трипторы — только в трех, как *templum* [‘храм’]. Дипторы — лишь в двух, как *Iuppiter*²³. Монотторы используют только один падеж, как *frugi* [‘бережливый’].

VIII. О МЕСТОИМЕНИИ. [1] Местоимение — потому что ставится вместо имени, дабы само имя при повторении не наскучило. Например, когда говорим *Вергилий написал ‘Буколики’* и добавляем с местоимением *он же написал ‘Георгики’*: таким разнообразием выражения и доука устраняется, и украшение привносится. [2] Местоимения бывают определенные и неопределенные. Определенные местоимения определяют известное лицо, как *я*: сразу понимаешь, что речь обо мне. Неопределенные — потому что лица неизвестны. Так говорится об отсутствующих и незнакомых, например *quis, quae, quod* [‘который’, ‘которая’, ‘которое’]. Иные называются менее определенными, поскольку служат напоминанием о знакомых лицах, как *ipse, iste* [‘он самый’, ‘онный’] — тут нам известно, о ком речь. [3] Притяжательные — поскольку показывают, что нам нечто принадлежит. Когда я говорю *meus, tuus* [‘мой’, ‘твой’], то определяю нечто как принадлежащее мне либо тебе. Относительные — потому что соотносятся с вопросом, например на вопрос *quis est?* [‘кто это?’] отвечают: *is est* [‘это он’]. Указательные — поскольку означают указание. Ими мы указываем на нечто присутствующее: *hic, haec, hoc* [‘этот’, ‘эта’, ‘это’], каковые три именуются также членами (*articuli*). [4] Члены — потому что с именами сочленяются, то есть сопрягаются, когда мы говорим, к примеру, *этот оратор*. Различие же между членом и местоимением вот какое: когда есть сопряжение с именем, это артикль, например *этот ученый*, а когда сопряжения нет — указательное местоимение, как *этот* и *эта* и *это*.

[5] Все местоимения делятся на первичные (*primigenia*) и производные. Первичные — потому что ниоткуда не выводятся. Всего таких двадцать одно. Три определенных: *ego, tu, ille* [‘я’, ‘ты’, ‘он’]. Семь неопределенных: *quis, qualis, talis, quantus, tantus, quotus, totus* [‘который’, ‘какой’, ‘такой’, ‘какой величины’, ‘такой величины’, ‘какой по порядку’, ‘такой по порядку’]. Далее, шесть менее определенных: *iste, ipse, hic, is, idem, se* [‘онный’, ‘он самый’, ‘вот он’, ‘тот’, ‘тот же самый’, ‘сам’]. Пять притяжательных: *meus, tuus, suus, noster, vester* [‘мой’, ‘твой’, ‘его’, ‘наш’, ‘ваш’]. Остальные называются производными, поскольку выведены и составлены из вышеназванных, как *quispiam, aliquis* [‘какой-либо’, ‘некоторый’] и прочие.

IX. О ГЛАГОЛЕ. [1] Глагол называется так от сотрясения воздуха голосом (*verberato aere sonat*) или от частого употребления (*versetur*) этой части речи говорящими. Глаголы суть знаки ума (*mentis*), каковыми люди показывают друг другу свои мысли. И если имя обозначает лицо, то глагол — деяние и речение лица.

23 Учитываются только номинатив и вокатив, но не формы косвенных падежей *lovis* и т. д.: так же у других латинских грамматиков (Харисий, Сергий).

Лицу глагола придается значение действующего либо претерпевающего. Так, *scribo* [‘я пишу’] — это деяние лица. И *scribor* [‘я записываюсь’] — тоже указывает деяние лица, но такого, которое претерпевает.

[2] Глаголы бывают двух родов: грамматические и риторические. Грамматические спрягаются в трех временах — прошедшем, настоящем и будущем: *делал, делает, сделает*. У риториков же глаголом зовется вся речь вообще, например *рек нам добрыми глаголами, добрыми владел глаголами*: здесь имеются в виду не только те глаголы, что спрягаются в трех временах, но вся речь в целом.

Глаголы изменяются по форме, наклонению, спряжению, залогу [и времени].

[3] Формы глаголов зовутся так, поскольку настраивают (*informent*) нас на то или иное действие. Ими мы показываем, какое именно действие совершаем. Так, замыслительные (*meditativa*) подразумевают замысел, намерение, например *lecturio*, то есть ‘хочу почитать’. Начинательные (*inchoativa*) служат указанием на начинание, следующее за замыслом, как *calesco* [‘разгорячаться’]. Учащательные (*frequentativa*) — от частого занятия чем-либо, например *lectito, clamito* [‘почитывать, покрикивать’]. В формах содержится смысл, в наклонениях — уклон (*declinatio*). И не понять уклона, если не выучить прежде смысла.

[4] Наклонения — от уклона заложенных в глаголах значений. Так, изъявительное — поскольку имеет смысл изъявления, как *lego* [‘читаю’]. Повелительное — ибо звучит повелением: *lege* [‘читай’]. Желательное — поскольку им мы выражаем желание чего-либо: *utinam legerem* [‘я почитал бы’]. Сослагательное — потому что для полноты высказывания что-то должно приложиться. Так, если скажешь *cum clamet* [‘как закричу я’], смысл повисает в воздухе; если же скажу *cum clamet, quare putas quod taceam?* [‘как закричу я, с чего бы тебе думать, будто я молчу?’], смысл обретает полноту. [5] Неопределенное [наклонение] — поскольку определяет времена, но не определяет лица, например *clamare, clamasse* [‘кричать’]. Добавишь лицо — *clamare debeo, debes, debet* [‘я, ты, он кричать должен’], — и глагол делается как бы определенным. Безличный — значит, отсутствует лицо, выраженное именем либо местоимением, как *legitur* [‘читается’]: добавишь лицо — *a me, a te, ab illo* [‘мною, тобою, им’], — и получается полный смысл. Однако неопределенному наклонению не нужно лица глагола: безличного ли, местоименного или именного.

[6] Спряжение — потому что через него многое сопрягается в одно звучание. Оно учит, например, на какой слог оканчивается будущее время, чтобы кто-то не сказал по невежеству *legebo* вместо *legam*. Первое и второе спряжение дают будущее на *-bo* и *-bor*, третье — на *-am* и *-ar*. [7] Залог (genera) глаголов — поскольку в них проявляется заложенное. Так, добавь к действительному залогу R, и родится страдательный; и наоборот, отними у страдательного R, и явится действительный. Действительными глаголы называются, потому что в них выражено действие, как *verbero* [‘я сотрясаю’], страдательные — от претерпевания, как *verberor* [‘я сотрясаем’]; нейтральные — поскольку и не действуют, и не страдают, например *iaceo* или *sedeo* [‘лежу’, ‘сизжу’]. Если к этим

последним добавить букву R, они будут звучать не по-латыни. Общими зовутся такие глаголы, которые выражают и действие, и страдание, как *amplector* ['обнимаю']. Эти, напротив, прозвучат не по-латыни, если отнять у них букву R. Отложительными называются такие, у которых причастие будущего времени, оканчивающееся на *-dus*, отлагается от страдательного значения, например *gloriandus* ['похвальный': от *glorior* 'хвалиться'].

х. О НАРЕЧИИ. [1] Наречие (*adverbium*) — потому что состоит при глаголе (*verbum*), как, например, *bene lege* ['скажи хорошо']. *Bene* — наречие, *lege* — глагол. Итак, наречием зовется, поскольку всегда наполняется смыслом лишь в сочетании с глаголом. Глагол сам по себе исполнен смысла, например *scribo* ['я пишу']. Наречие же без глагола неполнозначно, например *hodie* ['сегодня']. Добавь сюда глагол — скажем, *hodie scribo* ['сегодня я пишу'], — и в сочетании с глаголом смысл восполнится.

xi. О ПРИЧАСТИИ. [1] Причастие (*participium*) — потому что как бы прихватывает себе части от имени и от глагола (*participium*). От имени присваивает оно себе род и падеж, от глагола — время и значение, от обоих — число и форму (*figuram*).

xii. О СОЮЗЕ. [1] Союз называется так потому, что соединяет смыслы и предложения. Сам по себе он ничего не значит, но в сопряжении слов он всё равно как клей. Соединяет же союз как имена, например *Августин и Иероним*, так и глаголы: *пишет и читает*. Единая сила у всех союзов: либо связывают, либо разделяют. [2] Соединительные, или сочинительные, — поскольку связывают смысл или же лица, например *я и ты идем на форум*: это *и* как раз и связало смысл. Разделительные — поскольку разделяют вещи или лица, как *делаем я либо ты*. Сопрягательные (*subiunctiva*) — так как подсоединяются сзади, например *-que* ['и']. Ведь мы говорим *regique hominique Deoque* ['царю и человеку и Богу'], а не *que regi, que homini*.

[3] Дополнительные (*expletiva*) — поскольку дополняют предмет высказывания (*propositam rem*), как, например, *если не можешь это, сделай хотя бы то*. Общими называются такие, что ставятся [и присоединяются] где угодно: *значит (igitur), я это сделаю — это, значит, я сделаю*. [4] Причинные — от причины, по которой нечто собираются сделать, как, например, *убью его, потому что у него есть золото* — вот вам и причина. Рассудительные (*rationales*) — от рассуждения, к которому некто прибегает, делая нечто: *как мне его убить, чтобы меня не опознали? ядом или железом?*

xiii. О ПРЕДЛОГЕ. [1] Предлог — потому что ставится перед именами либо глаголами. Предлоги винительные и отложительные — от падежей, которым они служат. Приставки (*loquellares*) — это предлоги, навсегда приставшие к рекомому, а именно к словам: взятые отдельно, они ничего не значат, как *di-*, *dis-*. В сочетании же с глаголом составляют словоформу (*figuram faciunt*), например *diduco* или *distraho* ['разводить, растягивать'].

xiv. О МЕЖДОМЕТИИ. [1] Междометие — поскольку оно мечется, то бишь вставляется, между словами, выражает некое душевное волнение, например от

восторга мы говорим *vah*, от боли — *heu*, от гнева — *hem*, от страха — *ei*²⁴. Оттого что возгласы эти в каждом языке свои собственные, их непросто перевести на другой язык.

xv. О БУКВАХ У ГРАММАТИКОВ²⁵. [1] [Сколько есть членораздельных звуков (*voces*). А имя *litterae* — почти *legiterae*, оттого что буквы торят путь (*iter*) читающим, либо потому что при чтении повторяются (*iterentur*).]

xvi. О СЛОГЕ. [1] Συλλαβή — это по-гречески, по-латыни же — зачатие (*conceptio*) либо сложение (*complexio*). Ведь συλλαβή назван так ἀπὸ τοῦ συλλαμβάνειν τὰ γράμματα, то есть от зачатия букв: συλλαμβάνειν означает ‘зачинать’. Следовательно, истинный слог — это тот, что рождается из нескольких букв. Называть одиночную гласную слогом можно лишь в неточном, несобственном смысле, поскольку здесь следует говорить не столько о слоге, как о некотором отрезке времени (*ratio temporum*). Слоги бывают краткие либо длинные либо общие. [2] Краткие — это те, которые никогда не могут быть протянуты. Длинные — которые всегда протягиваются. Общие же — это те, которые пишушими при необходимости произвольно и протягиваются, и урезаются. Читай Доната. А долгими и краткими слогии называются, очевидно, потому что из-за разницы голосовых долей охватывают двойной либо одинарный временной промежуток. Греческим именем дифтонгов зовутся слогии, сочетающие в себе две гласные. [3] У нас истинных дифтонгов, почитай, четыре: *ae*, *oe*, *ai* и *eu*. Что касается *ei*, то он часто встречается только у древних.

Полустопные слогии у метриков — это те, что составляют половину стопы. Ведь стопа состоит из двух слогов, а когда слог один, вот и получаем как бы полстопы. Тщательно подобранные комбинации (*formas*) для каждого единичного слога — творение Дионисия Линтия, за что он удостоился статуи²⁶.

xvii. О СТОПАХ. [1] Стопы суть те, что делятся определенные временные отрезки слогов и никогда не отступают от установленного интервала (*spatio*). Называются стопами, потому что размеры (*metra*) ими ступают. Мы сами ходим стопами — вот и размеры стопами тоже как бы грядут. Всего есть сто двадцать четыре стопы: четыре двухсложных, восемь трехсложных, шестнадцать

24 Ср. Hier. *Epist.* 20: «insultando dicamus *vah*, et in admirando *papae*, et in dolendo *heu*: et quando silentium volumus imponere, strictis dentibus spiritum coarctamus et agimus tantum sibilum, insinando *sith* (насмехаясь говорим *ба*, удивляясь *ух ты*, печалься *увы*; а желая внушить молчание, стиснув зубы сдавливаем дыхание и выдаем только что-то вроде шипения, *тсс*)». Текст по Миню (PL 22, 378) — у И. Хильберга правка слишком безжалостна.

25 Главка вовсе отсутствует в большинстве рукописей, в немногих повторяет уже сказанное, а заголовок приводится только в одной. Ареvalo восполняет пропуск интерполированной первой главкой из *Ars maior* Доната, озаглавленной «О звуке» (*De voce*): «Звук есть сотрясение воздуха (*aer ictus*), воспринимаемое на слух, насколько это возможно. Всякий звук бывает либо членораздельным, либо путаным. Членораздельный у людей, путаный у животных. Членораздельный — это тот, который можно записать, путаный — который записать невозможно» (GL 4.367 = Holtz 1981, 603).

26 *Dionysius Lintius*: скорее, *Lindius*, то есть ‘Линдский’ (по месту преподавания в Линде на острове Родос) — больше известен как Дионисий Фракийский (170–90).

четырёхсложных, тридцать две пятисложных и шестьдесят четыре шести-сложных. Собственно стопами называются сочетания самое большее четырех слогов, остальные — это сизигии. [2] Все эти стопы имеют особые причины для имен, которыми они обозначаются.

Пиррихий — поскольку настойчиво задавал ритм в бою, а часто и в юношеской забаве. Сpondeй — потому что звучит протяжно. Ведь спондеем зовется тягучий звук, льющийся в уши совершающих жертву. Отсюда и те, кто играл на флейтах на языческих священнодействиях, назывались спондиалами. [3] Трохей же — потому что вызывает быстрое обращение напева, точно колесом стремительно бежит по стиху (*in metris*). Ведь *τροχός* по-гречески — ‘колесо’. [4] Ямб называется так, потому что по-гречески *ἰαμβόζειν* [sc. *ἰαμβίζειν*] означает ‘поносить’. Такого рода песнями поэты привыкли изливать все свои злословия и поношения, отсюда и название — оттого что ямб как бы напивает ядом проклятия или недоброжелательства.

[5] Трибрахий, зовущийся также и хореем, носит имя трибрахия, потому что состоит из трех кратких слогов. [6] Молосс — от пляски молоссов, какую исполняли во всеоружии. [7] Анапест. [Такое название — потому что считался стопою больше для отдыха и игр.]²⁷ [8] Дактиль назван по сходству с пальцем, который, начинаясь более длинной долей (*modo*), заканчивается двумя короткими. Так и в этой стопе одно долгое сочленение и два коротких. Вот и протянутая рука зовется ладонью, свисающие пальцы — дактилями. [9] Амфибрахий — потому что имеет с обоих краев краткие слоги, а в середине — долгий: ведь *βραχύς* означает ‘короткий’. [10] Амфимакр, напротив, имеет по краям длинные, а в середине — краткий: ведь *μακρός* означает ‘долгий’. [11] Бакхий — потому что стопа эта использовалась на Вакхиях, то есть священнодействиях Либеры. [12] Антибакхий или палимбакий — потому что это перевернутый либо обращенный вспять бакхий. [13] Прокелевматик — так как хорошо подходит для задания ритма поющими за тяжелой работой (*ad ceulema canentium*)²⁸. [14] Дисpondeй, дитрохей и диямб — потому что состоят из двух ямбов, спондеев или трохеев. [15] Антиспаст — поскольку состоит из контрастных слогов: краткого и долгого, долгого и краткого. [16] Хориямб — потому что этой стопою слагаются песни, лучше всего подходящие для хоров. [17] Ионики, вестимо, — из-за неравномерного звучания их ритма: они содержат два долгих слога и два укороченных. [18] Пэаны (*paenes*) — по имени изобретателя²⁹. [Они состоят из одного долгого и трех кратких, причем долгий помещается в разные позиции согласно их наименованиям³⁰.] [19] Эпитриты — потому что всегда насчитывают три долгих

27 Греч. *ἀνάλατος* ‘отраженный назад’, зд. ‘обратный’ (sc. дактилю). Источник Исидора связывает название стопы с *ἀνάλασις* ‘перерыв, отдых’.

28 Лат. *celeu(s)ma* (от греч. *κέλευ(σ)μα*) — ‘команда, подаваемая начальником гребцов’, позже ‘ритмическая трудовая песня’ (Дворецкий).

29 Бог-целитель *Παίαν* отождествлялся преимущественно с Аполлоном, реже — с Асклепием.

30 То есть пэан первый, второй и т. д.

слога и один краткий. [20] Сизигии — это пятисложные стопы и шестисложные, греческое же название συζυγία — это всё равно как склонения³¹. Но это не стопы, а так и зовутся — пятисложники и шестисложники, поскольку не превышают пяти и шести слогов. Потому и не годится, чтобы в поэме какое-либо имя насчитывало слогов больше, например *Carthaginiensium*, *Hierosolymitanorum*, *Constantinopolitanorum* [‘карфагенян’, ‘иерусалимцев’, ‘константинопольцев’]. [21] В каждой стопе имеют место арсис и тесис, то есть повышение и понижение голоса. Ведь [наши] стопы не смогли бы править путь, не поднимайся и не опускайся они поочередно. Например, в *arma* [‘оружие’]: *ar-* — повышение, *-ma* — понижение. Разделением этих двух связываются правильные стопы. Равное деление означает выделение под арсис и тесис равных длительностей. [22] Двойное — когда одно из двух вдвое превышает другое. Полуторное — когда одно превосходит другое в полтора раза: в простой части стопы здесь единицей больше, в двойной единицей меньше — ведь ‘полтора’ означает наполовину [меньше либо больше]. Тройное — когда большая часть содержит трижды всю меньшую, то есть отношение здесь три к одному. Эпитрит — когда большая часть содержит меньшую и ее треть в придачу. Таким образом, члены стопы разделяются равным, двойным, полуторным, тройным или эпитритным отношением.

[23] Поровну, стало быть, мы делим следующие³²:

Спондей	--	aestas
Пиррихий	υ υ	fuga
Дактиль	- υ υ	Maenalus
Анапест	υ υ -	Erato
Диспондей	-- --	oratores
Прокелевматик	υ υ υ υ	avicula
Диямб	υ - υ -	propinquitas
Дитрохей	- υ - υ	cantilena
Антиспаст	υ - - υ	Saloninus
Хориямб	- υ υ -	armipotens

[24] Двойным делением — такие стопы:

Трохей	- υ	meta
Ямб	υ -	parens

31 *Declinationes*, хотя скорее (этимологически) Исидор имел в виду спряжения (*conjugationes*).

32 В большинстве рукописей для стоп приводятся лишь схемы долгих и кратких (долгая гласная и долгий слог в латыни — разные вещи). Ареvalo предпочитает иллюстрации в виде конкретных латинских слов. Мы даем здесь и рисунок стопы, и слово для примера.

Молосс	— — —	Aeneas
Трибрахий	∪ ∪ ∪	macula
Ионик больший	— — ∪ ∪	Iunonius
Ионик меньший	∪ ∪ — —	Diomedes

[25] [Лишь одна стопа делится тройным делением, оно же наибольшее, и потому число размеров с ним наименьшее.]

Амфибрахий	∪ — ∪	carina
------------	---------	--------

[26] Полуторные вот такие:

Амфимакр	— ∪ —	insulae
Бакхий	∪ — —	Achates
Антибакхий	— — ∪	natura
Пэан первый	— ∪ ∪ ∪	legitimus
Пэан второй	∪ — ∪ ∪	colonia
Пэан третий	∪ ∪ — ∪	Menedemus
Пэан четвертый	∪ ∪ ∪ —	celeritas

Остались те, что делим эпитритным делением:

Эпитрит первый	∪ — — —	sacerdotes
Эпитрит второй	— ∪ — —	conditores
Эпитрит третий	— — ∪ —	Demosthenes
Эпитрит четвертый	— — — ∪	Fescenninus

[27] Итак, равных [отношений в стопах] десять, двойных шесть, тройное одно, полуторных семь, эпитритных четыре. Только одна стопа делится тройным делением, оно же наибольшее, и потому число размеров с ним наименьшее.

[28] Число слогов в стопах — от двух до шести; дальше не считается, ибо стопы доходят лишь до шести слогов.

Длительностей (*tempora*) в стопах столько, сколько набирается в каждой отдельной стопе. Разрешением (*resolutio*) стоп называется замена одного долгого слога двумя краткими, или двух долгих — четырьмя краткими, например (*Verg. Aen.* 2.16):

Sectaue intexunt abiete costas.

Его [бока Троянского коня] обшивают распиленной елью³³.

33 Здесь и далее «Энеида», как правило, в пер. С. А. Ошерова под ред. Ф. А. Петровского.

Abiete [‘елью’] здесь — разрешение спондея в прокелевматик, причем Вергилий всегда использует такое разрешение вслед за синалефой³⁴. [29] Из одного долгого получаются два кратких, из двух же кратких один долгий не получается никогда³⁵. Ибо вещи сплоченные могут быть разбиты, но расколотые сплотиться не могут.

Существуют фигуры, по меткам которых распознаются слогги. Увидишь нижнюю половину круга, написанную дважды, — это пиррихий: ∪ ∪; а где лежащую I, тоже дважды, — спондей: ——. [30] Размеры соотносятся со стопами — от трохея трохайческий, от дактиля дактилический, от ямба ямбический: об этом поговорим чуть позже.

XVIII. ОБ УДАРЕНИЯХ. [1] Акцент, греками называемый просодией, [получил имя из греческого]. Ведь по-гречески πρὸς, по-латыни — *ad* [‘при’]. По-гречески ᾠδή, по-латыни — *cantus* [‘песнь’]. То есть имя это передано дословно. У латинян, однако, есть и другие имена. Акценты они также называют ударениями (*tonos*) и напряжениями (*tenores*), потому что тут происходит нарастание и спад звука. [2] А акцентом называется, потому что состоит при песне (*cantus*), как наречие (*adverbium*) — оттого что при глаголе (*verbum*)³⁶. Острое ударение (*acutus*) — поскольку заостряет и поднимает слог; тупое (*gravis*) — поскольку угнетает и понижает: ведь гравис — противоположность акуту. Облеченное (*circumflexus*) — ибо состоит из острого и тупого. Начинаясь акутом, завершается грависом, поднимается и опускается, образуя тем самым изгиб циркумфлекса. [3] Острое и облеченное сходны: то и другое поднимает слог. Тупое, очевидно, противоположно обоим. Ибо оно неизменно угнетает слогги, в то время как те поднимают, например (*Lucan. Bell. civ. 1.15*):

Unde venit Titan, et nox ibi sidera condit.

Там, где восходит Титан, где ночь укрывает созвездья.

Unde [‘откуда’, зд. ‘там, где’] здесь под грависом: звучит не так сильно, как при акуте и циркумфлексе.

[4] В односложных частях речи, если слог по природе краткий, как в *vir*, либо долгий по положению, как в *ars*, он будет иметь острое ударение. А если долгий по природе, как в *rēs*, — облеченное. Двухсложные части речи, если начальный слог по природе долгий, а последний краткий, получают облеченное ударение, например *Mūsa*; в противном случае — острое. В трехсложных частях речи, если средний слог краткий, например в *tibia*, то первый заостряем акутом. Если же второй слог по природе долгий, а последний краткий, как

34 Συναλοφίη — стяжение слогов в результате элизии, красиса или синэресиса, в данном случае — элизии конечного *-e* в *sectaque* перед *intexunt*. Прокелевматик *ābīētē* в 5-й стопе гексаметра заменяет скорее дактиль, чем спондей.

35 «Никогда» не допускается замена двух кратких слогов дактиля на один долгий спондей именно в 5-й стопе гексаметра, хотя во всех прочих стопах это в порядке вещей.

36 Нечастый у Исидора пример верной этимологии: *accensus* действительно выводится из *accinō* — кальки с греч. πρὸς ἄνω.

в *Metēllus*, тогда на среднем ставим циркумфлекс. [5] Четырехсложные и пятисложные держатся порядка трехсложных. В одном слове гравис может ставиться только с одним ударением другого рода, а с двумя — никогда, например в [*Catullus*]³⁷. В составных словах — одно ударение.

[6] Изобретены же ударения были либо для различения — например, чтобы не прочитать *ursus* [‘медведь’] в строке (*Verg. Aen.* 8.83):

Viridique in litore conspicitur sus;

Веприцу между стволов увидали;

либо ради произношения — дабы не произносить *μέτα* коротко вместо *μέτα* с протянутым $\langle \bar{\alpha} \rangle$ ³⁸; либо для разрешения неоднозначности, как в *ergo*: с протянутым *-gō* это означает причину, с укороченным — союз³⁹.

ХИХ. О ЗНАКАХ УДАРЕНИЯ⁴⁰. [1] Знаков ударения десять — их грамматики надписывают для различения слов. Ὁξεῖα, то есть острое ударение, пишется линией, идущей слева направо и вверх: ´. [2] Βαρεῖα, то есть тупое ударение, обозначается линией, идущей сверху вниз и вправо: ` . [3] Περιοπωμένη, то есть обложенное ударение, передается линией, составленной из акута и грависа: ˆ . [4] Μακρός, то есть долгий, выводится горизонтальной черточкой: —. [5] Βραχύς, то есть краткий, — нижней половинкой круга: ∩ . [6] Ὑφέν, то есть соединение, поскольку соединяет два слова, пишется изогнутой подстрочной черточкой: √ . [7] Διαστολή, то есть разделение, которое разъединяет противоречивое, — подстрочным правым полукругом: ∩ . [8] Ἀπόστροφος тоже пишется правой половинкой круга, но ставится у верхней части буквы: ∩ . Этот знак показывает, что в слове недостает последнего гласного, например *tribunal* вместо *tribunale*. [9] Δασεία, в переводе ‘придыхание’, пишется там, где должна была бы стоять буква Η, и передается следующим образом: † . [10] Ψιλή, в переводе ‘сухость’ в смысле чистоты [звука], пишется там, где букве Η стоять не следует, и изображается так: † . [11] Из этой-то буквы придыхания латиняне и создали знаки обоих акцентов. Сложи их, и получишь саму эту метку

37 Ср. *Ars maior* Доната (GL 4.371: «in trisyllabis et tetrasyllabis et deinceps... si paenultima positione longa fuerit, ipsa acuatur et antepaenultima gravi accentu pronuntiabitur, ut *Catullus Metellus*, etc. (в трехсложных, четырехсложных и далее, если на предпоследней позиции долгий слог, он сам заостряется, а предпредпоследний произносится с грависом, например в *Catullus Metellus* и т. д.)») и, конечно же, Квинтилиана (*Inst.* 1.5.22–30).

38 Добавлено без пояснений Линдсеем. Греч. *μέτα*, *μέτᾱ*, предлог и наречие со значениями ‘посредством, после и т. д.’ (*μέτᾱ* — также форма глагола *μέτεσσι* ‘имеется, есть’), лишь однажды у Софокла (*Ph.* 184) читается с долгим $\bar{\alpha}$: возможно, именно о подобных случаях законного метрического удлинения говорил невыясненный источник Исидора.

39 То есть наречие ‘поэтому, таким образом’ и предлог ‘из-за, ради’, причем *ergō* с кратким \bar{o} — позднее явление в латыни.

40 *De figuris accentuum*: довольно точный пересказ текста Доната (GL 4.371–372), у кого см. также примеры употребления гифена и диастолы. Знак гифена в некоторых рукописях Исидора выглядит немного иначе. И, конечно, начертания знаков тонкого и густого придыханий принципиально отличны от принятых сегодня.

придыхания. И наоборот: рассеки букву [H] посередине поперечной черты, и получатся $\delta\alpha\sigma\epsilon\acute{\iota}\alpha$ и $\psi\iota\lambda\acute{\eta}$.

XX. О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ⁴¹. [1] Пунктуация (*positura*) — это способ различения смысла посредством колонов, запятых и периодов, каковые, если поставлены на своем месте, проясняют нам смысл читаемого. А знаками пунктуации, или препинания, называются либо потому что помечаются на письме точками-пунктами, либо в силу того, что голос на них запинаяется ради паузы различения. Греки их называют $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota\varsigma$, латиняне — пунктуацией. [2] Первый знак препинания называется подразличением (*subdistinctio*), оно же запятая. Следующий — среднее различение, оно же колон. Крайнее различение, которым замыкается целое предложение, — это период.

Колоны и запятые, как сказано, являются частями предложения; разница между ними указывается различием места, где ставятся точки. [3] В начале высказывания (*pronuntiatio*), в той части, когда смысл еще неполон, однако нужно перевести дух, выходит запятая, то есть частица смысла, и внизу при букве ставится точка; это называется подразличением, потому что требует точки внизу буквы. [4] Когда в сказанном уже вырисовывается некий смысл, но до полноты высказывания (*sententia*) чего-то еще недостает, выходит колон, каковой помечается точкой при середине буквы; мы называем это средним различением, поскольку точка ставится при середине буквы. [5] Когда же по ходу высказывания мы получаем полностью законченное предложение, выходит период, и точка ставится в изголовье буквы: это называется различением, иначе говоря — разделением, коль скоро отделяет цельное предложение. [6] Так у ораторов. Иначе у поэтов: когда в стихе после двух стоп в слове всё еще остается слог, имеет место запятая, поскольку слово тут обрезается согласно скандировке. Когда же никакая часть речи не выходит за рамки двух стоп, имеет место колон. А весь стих — это период⁴².

XXI. О ЗНАКАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ⁴³. [1] Кроме того, в писаниях знаменитейших авторов встречались и другие знаки, которыми древние метили песни и истории для

41 *De posituris*: словом *positura* обозначали как один из трех знаков препинания ($\kappa\acute{\omega}\lambda\omicron\nu$, $\kappa\acute{o}\mu\mu\alpha$, $\lambda\epsilon\rho\acute{\iota}\omicron\delta\omicron\varsigma$), так и выделяемые этими знаками одноименные части предложения. В переводе приходится жонглировать этим двойным смыслом, что не слишком удачно получается особенно с коммой-запятой. Излагаемая Исидором система пунктуации восходит к александрийскому грамматiku Аристофану Византийскому (ок. 257 – ок. 185/180).

42 Как справедливо отмечают С. Барни с коллегами (Barney et al. 2006, 50, n. 23), Исидор приравнивает комму-запятую к цезуре (как правило, в третьей стопе гексаметра), а колон — к диерезе (совпадению конца слова с концом метрической единицы — не обязательно стопы или двух).

43 *De notis sententiarum*: речь здесь идет об издательско-редакторских пометках, о которых, помимо данной главы Исидора, рассказывают еще 5–6 близко родственных текстов — какие-то по-латыни, другие по-гречески. Краткую их сводку дает А. Гудеман (Gudeman 1922), а из комментированных изданий отметим Ф. Осанна (Osann 1851) и П. Вебера (Weber 1903). Все они, по-видимому, восходят к несохранившейся работе Светония *Peri tōn ēn toĩs biblĩois smēĩwn* (отмечена в *Суде*, s.v. $\tau\rho\acute{\alpha}\gamma\kappa\upsilon\lambda\lambda\omicron\varsigma$), текст которой пытается

различения написанного. Знак [такого рода] — это особая фигура, напоминающая букву, которая пишется для указания какого-либо свойства слова, предложения либо стиха. К стихам применяются знаки числом двадцать семь, чьи имена приводятся ниже.

[2] ✱ Астериском помечается пропущенное, чтобы высветить этим знаком то, что представляется недостающим. В греческом языке звезда именуется ἀστήρ, отсюда и астериск. [3] — Обел⁴⁴, то есть горизонтальная черточка, метит избыточно повторяющиеся слова либо предложения, или такие места, где какое-либо чтение признано ложным, дабы стрелой пронзал пустое и поражал ложное. Ведь ὀβελός по-гречески — ‘стрела’. [4] — Обел с отточием сверху помечает то, что вызывает сомнения: то ли удалить, то ли оставить. [Метка ложного.] [5] ÷ Лемниск [λημνίσκος: ‘перевязка’], то есть горизонтальная черточка промеж двух точек, выставляется против тех мест, которые переводчиками святого Писания передаются в смысле подлинника, но другими словами. [6] ∪ Антиграф с точкой пишется там, где в переводах присутствует иной смысл. [7] ✱— Астериск с обелом: использовался специально Аристархом — при стихах, которые были поставлены не на свое место. [8] Γ Параграф ставится для отделения связанных и пересекающихся друг с другом вещей — так в перечне отделяются место от места и область от области, в агоне — награда от награды, состязание от иного состязания. [9] ∟ Препинание (positura) — фигура, противоположная параграфу, и оформлена так потому, что как тот отмечает начала, так и эта отделяет концы от начал. [10] ⊂ Крифия, нижнее полукружие с точкой, ставится в тех местах, где представляется невозможным раскрыть или решить какой-либо трудный и темный вопрос. [11] ∩ Антисигма ставится при стихах, чей порядок предполагается изменить. Встречается в этой позиции и у древних авторов. [12] ∩ Антисигма с точкой ставится там, где повторяются стихи, содержащие один и тот же смысл, и есть сомнения, какой предпочесть. [13] > Дипла. Эту [пометку] наша пишущая братия (scriptores nostri) ставит в книгах церковных мужей для выделения и указания свидетельств святых Писаний. [14] > Дипла περὶ στίχων. Этой первым Леогор Сиракузянин пометил гомеровские стихи для отделения Олимпа от неба⁴⁵. [15] ✕ Дипла περὶ εὐστυμῆνη,

восстановить в своем издании Светониевых *reliquiae* A. Райффершайд (Reifferscheid 1860). Из греческих авторов, на которых должен был опираться Светоний, можно упомянуть Диоген(иан)а Кизикского, написавшего, по Суде, одноименный труд (4/5 в. до н. э.), и Аристарха Самофракийского (ок. 220–143), ученика и наследника во главе Александрийской библиотеки Аристофана Византийского, чье имя стало символом строгого и дотошного критика. Конечно, формы редакторских знаков от рукописи к рукописи (уже одного только Исидора) рознятся. Арвало дает сводную таблицу различных начертаний. Мы здесь приводим наиболее «логичные» по контексту.

44 Ὀβελός означает ‘вертел, рожон’, хотя чуть ниже слово это передано как ‘стрела’. Исидор последовательно смешивает ὀβελός и ὀβολός ‘обол’, предпочитая написания *obolus*, *obolismene*.

45 Суде упоминает Леогора, отца оратора Андокида (s.v. Λεωγόρας). Если это тот самый Леогор (что сомнительно), то «Сиракузянин» следует исправить на «Афинянин». Под «отделением

hanc primū locū oras s̄y r̄ acusān posuit homerici versib; as̄ p̄ orationē
 olimpi acelo. Adpleximene id ē cū geminis punctis hanc antiq; in his p̄pone
 bant que Zeno doctor efficitur n̄ erete adiecerat. ut detraheret. ut p̄mutauit
 in his & nos causer. Diple obolismene int̄ ponit. ad p̄erand̄ sine comedus. uel
 tragedus. p̄iodor. Adusa obolismene quotiens s̄tose & amastrosifim̄ ferit.
 Adusa obolismene ad eponit̄ que ad aliquid respiciunt. Ut nos. ne ab̄i fr̄igeres uer
 tere. fando conam. Nos am̄i seros qui traas̄ciuis obiecit. Diple sup̄ne oblata
 ponit̄ ad conditiones locor̄. Aet̄e p̄on̄ ar̄ q; mutat̄. Rectas adusa
 sup̄ne oblata ponit̄ finit̄ alio suo monade significante simile sequente quoq; ee. X
 Ceraunū ponit̄ quotiens multusq; s̄i in p̄bantur nec p̄ singulor̄. Ceraunū enī sil
 m̄ d̄. Crisimon haec sola exuoluntate. unius cuiusq; ad aliquid notandū ponit̄
 Phid̄. id ē s̄i notat̄ haec ubi aliquid obscuritas. ob sollicitudine ponit̄. An
 chora sup̄ior ponit̄ ubi aliquaref magna om̄ino. W. Anchora inferior ubi ali
 quid uilissime t̄ in conuenientur denuntiat̄. Cronis notat̄ antū in fineli
 bri apponit̄. I. Alogus nota ad m̄ dar̄ adhibetur. s̄iunt & alio notule libror̄
 p̄ agnoscaud̄ his q; p̄ extrem̄ at̄es p̄ginū exponunt̄. Ut ubi lector̄ in lim̄ ar̄
 huiusmodi signū in uenerit. ad t̄ ex̄ recurrens eī d̄ sermōnis t̄ uer̄ uili s̄i at̄e
 expositione cuius simile sup̄iacente notā inuenit̄. **DE NOTIS UULGARIB;** 9. 21.
 Vulgares notae s̄n̄ primū mille & c. inuenit̄. Notar̄ us̄ ferat̄ ut quicquid p̄ conten
 tione aut inuidia d̄ d̄ ee libror̄ scriberent. complures simul stantes diuisi s̄nt
 separ̄tib; q̄ d̄ quisq; uerba & quo ordine acciperet. Romeprius tullius tiro eueronit̄
 libror̄ con̄t̄us. notat̄ sed̄ antū p̄ positionū. Post eū iup̄ sanus philargus
 & aquil̄ libror̄ mecon̄tar̄ alius alia s̄ d̄ d̄. Deinde seneca contractu om̄m̄ de
 gestor̄ & aucto numero opus efficit̄ in quinq; milia. Note autē d̄ iat̄ eo q̄ d̄ uerba
 t̄ syllabar̄ p̄ fixis car̄ter̄tib; notent̄ & ad notā legentū reuocant̄. quas quid d̄
 erunt p̄ p̄rie ū notari appellatur. **DE NOTIS UULGARIB;** 9. 22.
 m̄ libris uer̄ uerbor̄ suor̄ notat̄ quos scripta o celebris breuior̄ q; fiat. Scribe
 bat enī uer̄ b̄ gr̄ ita p̄ d̄ & E. Bonū factū. P̄ s̄ & c. senatus consultus. P̄ s̄ & p̄
 res publica. P̄ s̄ & r̄. post roman̄. p̄ d̄ & r̄. d̄ r̄ axat̄. p̄ s̄ p̄ inā. l̄ r̄ t̄ r̄ mulier
 p̄ p̄. sed̄ n̄. uer̄ r̄ pupillus. p̄ a. uer̄ s̄ capite pupilla. Punū. keapit̄. p̄ duo c̄ p̄ p̄
 i uota calim̄ c̄ uer̄. p̄ l̄. & e. iudex c̄. p̄ d̄. & o. doli malū. Cuius generis plurime
 consimilit̄ note in libris inueniunt̄. hasiur̄ s̄ n̄ at̄. Nouū imperator̄. a codicib; le
 gū abolendas sanxer̄ q̄ multos p̄ h̄ e callidi ingenio ignorantes decipiebant. at̄ na
 uisset scribendas in legib; l̄ r̄ t̄ r̄ in nullo ser̄ uer̄ nulli s̄ m̄ b̄ ias̄ afferant̄ sed̄ sequen
 da s̄ uer̄ t̄ d̄. a p̄ d̄ e demonstrant̄. **DE NOTIS UULGARIB;** 9. 23.
 militū nomina con̄nebant̄ p̄ p̄ r̄ i a nota er̄ t̄. apud ueteres. quā inspicere quā uer̄
 militib; sup̄ eēt̄ quā in bello occidissent. T̄ r̄ a uota in capite uer̄ uer̄ uer̄ uer̄ uer̄ uer̄
 p̄ r̄ s̄ t̄ r̄ e designabat̄. T̄ r̄ h̄ uer̄ o ad unius cuiusq; defuncti nom̄ apponebat̄. Unde

MS. Sangallensis quartus (237), p. 20
St. Gallen, Stiftsbibliothek. 9–10 v.

то есть ‘с двумя точками’. Этой древние обозначали всё, что несправедливо добавил от себя Зенодот Эфесский⁴⁶ — либо выкинул, либо переменял. Таким же образом и наши ею пользовались. [16] > Дипла $\acute{\omicron}\beta\omicron\lambda\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$ вставляется для выделения периодов в комедиях и трагедиях. [17] -2 обратная обеленая (*aversa $\acute{\omicron}\beta\omicron\lambda\iota\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu\eta$*) добавляется [для выделения] строф и антистроф. [18] < Лицевая с обелом (*adversa cum obelo*) помечает [сказанное] с оглядкой на что-либо, например (*Verg. Aen.* 10.88):

nosne tibi fluxas Phrygiae res vertere fundo
conamur? nos? an miseros qui Troas Achivis
obiecit?

[Ты искушаешь?] Ужель это я обломки фригийской
Мощи низвергнуть хочу? Кто троянцев предал ахейской
Мести?

[19] > Дипла с обелом сверху ставится для указания изменившихся обстоятельств мест, времен и лиц. [20] >> Дипла правая и лицевая с обелом сверху ставится при определенной своим местом [текстовой] монаде и означает, что далее следует похожая.

[21] Ж Керавний ставится, когда отвергают множество стихов сразу, чтобы не метить обелом каждый в отдельности: *κεραύνιον* означает ‘перун’. [22] ✂ Хрисимон. Каждый метит им всё что угодно единственно по собственной прихоти.

[23] Φ° *Phi* и *rho*, то есть *φρονίς* [‘забота’]. Эта [пометка] ставится для привлечения внимания там, где встречается некая неясность. [24] Υ Якорь верхний помечает нечто великое во всех отношениях. [25] λ° Якорь нижний ставится для указания чего-то низкого и неподобающего. [26] Γ Знак коронис проставляется только в конце книги⁴⁷. [27] \lrcorner Знак нелепицы (*alogus nota*) означает призыв исправить ошибку.

[28] Бывают еще и другие пометки в книгах, для указания чего-то, что разъясняется на полях страниц, чтобы читатель, когда находит с краю знак такого рода, понимал, что это пояснение того самого слова или стиха, которые он, возвращаясь к тексту, обнаруживает с похожей пометкою сверху.

xxii. О ЗНАКАХ УПРОЩЕНИЙ. [1] Первым изобрел знаки упрощения (*vulgares notas*) Энний, числом тысяча и сто⁴⁸. Они употреблялись при записи речей на

Олимпа от неба» подразумевается сортировка использования слова Ὀλύμπτος у Гомера в двух значениях: реальной горы и обители небожителей.

46 *Суда*, s.v. Ζηνόδοτος : «Зенодот Эфесский, эпический поэт и грамматик. Ученик Филета, жил при Птолемею I [Сотере, 367–283/2]. Первый редактор Гомера, возглавлял Александрийские библиотеки и был учителем у детей Птолемея».

47 Символ *κορυνίς* (‘кривой, кривоклювый’, от *κορύνη* ‘ворона’ — см. Chantraine, s.v.) в этом значении метки завершения особенно разительно отличается от более известного с древности, как и в более поздние времена: ☞ .

48 Ср. у Светония (*Gramm.* 1): «Энний издал две книги — *О буквах и слогах* и *О размерах*, но Луций Котта справедливо рассудил, что они принадлежат не поэту, а позднему Эннию, которому приписываются также книги *О науке авгуров*» (пер. М. Л. Гаспарова).

собраниях либо судебных заседаниях: несколько присутствующих одновременно писцов, разделив между собою части речей, каждый по очереди записывал сколько-то слов. В Риме первым придумал такие знаки Туллий Тирон, отпущенник Цицерона, но лишь для предлогов (*praepositionum*). [2] После него Випсаний, Филаргий и Аквила, отпущенник Мецената, каждый добавил что-то от себя. Затем Сенека, сведя их все воедино, упорядочив и увеличив числом, довел дело до пяти тысяч. Эти знаки называются пометами (*notae*), поскольку метят условленными начертаниями (*praefixis characteribus*) слова или слоги и вызывают их в памяти (*notitia*) читающих; те же, кто эти знаки изучили, ныне по праву зовутся нотариями⁴⁹.

xxiii. О ЗНАКАХ ЮРИДИЧЕСКИХ. [1] В книгах законов некоторые буквы суть знаки определенных слов: писать их быстрее и короче. Так, к слову, пишут BF вместо *bonum factum* [‘в добрый час!’]⁵⁰, SC вместо *senatus consultum* [‘сенатское постановление’], RP вместо *respublica* [‘государство’], PR вместо *populus Romanus* [‘народ римский’], DT вместо *dumtaxat* [‘по крайней мере’], опрокинутой буквой W обозначается *mulier* [‘женщина’]⁵¹, естественной P — *pupillus* [‘сирота м. р.’], Ч с верхушкой влево — *pupilla* [‘сирота ж. р.’], одиночным K — *caput* [‘голова’], связкой KK — *calumniae causa* [‘случай клеветы’], IE — *iudex esto* [‘да будет судьей’], DM — *dolum malum* [‘злой умысел’]. [2] В древних книгах нам встречается много похожих знаков такого рода. Эти юридические знаки новейшие императоры предписали изъять из сводов законов, поскольку с их помощью хитрецы обманывали многих несведущих, и приказали записывать законы буквально, дабы те не допускали никаких ошибок, никаких двусмысленностей, а ясно указывали, чему следовать и чего избегать.

xxiv. О ЗНАКАХ ВОЕННЫХ. [1] В сводках (*breviculis*), содержащих имена воинов, использовалась у древних особая метка, по которой можно было выяснить, сколько воинов уцелело, а сколько пало в бою. Знак тау (T) в заголовке строки обозначал выжившего⁵²; Тета же (Θ) метила имена каждого из павших. Потому и перерезана посередине копьем (*telum*), то есть знаком смерти. Персий сказал о ней (*Pers.* 4.13):

Et potis es nigrum vitio praefigere theta.

Можешь клеймо наложить на порок смертоносною тетой⁵³.

49 Тироновы знаки, метод их использования и имена изобретателей — отдельная большая тема. Исидоров текст здесь далек от однозначности. Ср., например, Traube 1920, 3.264 sqq.

50 Вступительная формула в законодательных актах.

51 То есть опрокинутой (*supinam*) M, как и читается в ряде рукописей. Гриаль полагает, что здесь следует понимать перевернутую (*conversam*) третью (III) букву, а именно C, в условном написании Э, обозначающую ‘Гайю’ — что-то вроде ‘имярек’ применительно к женщине.

52 Старые комментаторы предлагали вместо T читать V (*pro* ‘vivit’) либо Y (*pro* ὑγείας) (Arévalo 1798–1801, 3.39–40, n. *ad loc.*). Ср. также сказанное Исидором выше об ипсилоне и тау.

53 В классическом переводе Ф. А. Петровского «тета» пропала: «И наложить на порок клеймо смертоносное можешь».

[2] А когда хотели обозначить незнание, использовали букву лямбду⁵⁴ — так же как смерть подразумевали, прописывая в заголовке строки тету. Особыми знаками пользовались и при выплатах жалования.

XXV. О ЗНАКАХ БУКВЕННЫХ. [1] Еще и буквенные знаки устанавливали между собою древние, дабы сообщать нечто друг другу тайно, обмениваясь письменными посланиями. Свидетель тому Брут, который подобными буквами обозначил свой замысел, и никто не подозревал, что на самом деле означали для него эти письма. [2] А вот что говорит, обращаясь к сыну, Цезарь Август: «Поскольку постоянно случается бесчисленное множество такого, о чем надобно написать друг другу, но при этом сохранить в тайне, давай условимся между собой о таких знаках, чтобы когда мы пишем что-либо, подставлять вместо каждой буквы следующую, а именно В вместо А, С вместо В, ну и прочие таким же образом; а вместо Z следует вернуться к началу и писать двойное AA»⁵⁵. Были еще и такие, кто писал слова задом наперед.

XXVI. О ЗНАКАХ ПЕРСТНЫХ. [1] Есть знаки и перстов, и глаз, каковыми безмолвно общаются друг с другом на расстоянии. Таков обычай у военных, когда войско выражает согласие поднятием рук, коль скоро голосом нельзя. Иные, когда не могут приветствовать голосом, делают это взмахом меча. [2] Вот и Энний о какой-то распутнице:

Quasi pila
in choro ludens datatim dat sese et communem facit.
Alii adnutat, alii adnictat, alium amat alium tenet.
Alibi manus est occupata, alii pervellit pedem;
anulum dat alii spectandum, a labris alium invocat,
cum alio cantat, at tamen aliis suo dat digito litteras.

Словно мяч в игре, гетера отдается в руки всем:
Здесь кивнула, там мигнула, здесь любовник, там дружок;
Этого рукою держит, а того ногой толкнет;
Этому кольцо покажет, а тому шепнет привет;
Здесь поет с одним, другому письмецо перстом чертит⁵⁶.

И Соломон (*Притч.* 6:13): «мигает глазами своими, говорит ногами своими, дает знаки пальцами своими».

54 Читаем *imperitia* 'незнание' вслед за Линдсеем (в рукописях также: *impuritia*, *pueritia*), имея в виду вариант 'пропал без вести' — ср. греч. λαυθάνω.

55 По Светонию (*Jul.* 56), «нужно читать всякий раз четвертую букву вместо первой, например, D вместо A и так далее»; и об Августе (*Aug.* 88): «когда он пользуется тайнописью, то пишет В вместо А, С вместо В и так далее таким же образом, а вместо X ставит двойное А». Буква Z была добавлена в латинскую азбуку из греческой уже после Августа. Цезарева тайнопись упоминается также у Авла Геллия (*Noct. att.* 17.9.1–5).

56 Под 'Эннием' имеется в виду Невий; эти строки из его комедии *Tarentilla* приводятся здесь по Уормингтону (74–79 Warmington). У Исидора искажен даже размер — читается ямбический сенарий вместо трохаического септенария. Русский перевод И. Холодняка.

xxvii. ОБ ОРФОГРАФИИ. [1] Ὀρθογραφία — это по-гречески, на латынь переводится как ‘правописание’. [*Ortho* означает ‘правильно’, *graphia* — ‘писание’⁵⁷.] Эта наука учит, как мы должны писать. Если искусство [грамматики] занимается склонением частей речи, то орфография нацелена на знание написания. Например *ad* как предлог принимает букву D, как союз — T. [2] *Haud* в роли отрицательного наречия оканчивается на букву D и в начале имеет знак придыхания; но в качестве [разделительного] союза пишется через T и без придыхания. [3] *Apud* как предлог пишется через D, например в *ad patrem* [‘к отцу’] — ведь древние часто использовали *apud* вместо *ad*, [пропуская две средних буквы]⁵⁸. [4] Между тем иногда одни буквы ставятся на место других по праву. Буквы B и P связаны известным сродством. Так, вместо *Burrus* мы говорим *Pyrrhus*. [Буквы] C и G имеют некое сродство. Так, мы говорим *centum* [‘сто’] и *trecentos* [‘триста’], но затем — *quadringentos* [‘четыреста’], подставляя G вместо C. C и Q также в родстве. Например, *huiusce* [‘вот этого’] мы пишем через C, *cuiusque* [‘каждого’] — через Q. *Cum* в роли предлога надлежит писать через C, а было бы наречие — через Q: ведь мы говорим *quum lego* [‘тогда как я говорю’]. *Deus* следует писать через одно E, *daemon* — через дифтонг AE. [5] *Equus* в смысле животного [‘конь’] пишется через одно E, *aequus* в смысле ‘справедливого’ — через дифтонг AE. *Exsul* [‘изгнанник’] нужно писать с добавленным S, потому что изгнанником называется кто-то, потерявший почву (*qui extra solum est*). *Exultat* [‘торжествовать’] лучше писать без буквы S, ведь сама X состоит из C и S, и зачем тогда добавлять еще и другую к уже имеющейся? [6] *Aequor* [‘морская гладь’] следует писать через дифтонг, поскольку это имя образовано от *aqua* [‘вода’]⁵⁹. [7] *Forsitan* [‘возможно’] следует писать с N на конце, ибо полностью это будет *si forte tandem* [‘если же, возможно’]. [8] *Fedus* в смысле ‘безобразного’ пишется через одно E, *foedus* в смысле ‘союза’ — через дифтонг OE. [9] *Formosus* [‘красивый’] следует писать без N, поскольку от *forma*. [Или еще от *formus* в смысле ‘горячего’, ибо жар крови порождает красоту.]⁶⁰ *Gnatus* [‘отпрыск’] в смысле ‘сына’ надо писать через G, потому что это то же, что *generatus* [‘рожденный’]. [10] H, то есть буква придыхания, в латыни сочетается только с гласными, например *honor* [‘честь’], *homo* [‘человек’], *humus* [‘почва’], [*humilitas* [‘смирненность’]]. Согласные тоже получают придыхание, но лишь в греческих и еврейских именах. И междометья *heus* и *heu* следует писать через H.

57 Слово ὀρθογραφία в греческом засвидетельствовано не ранее 2 в. н. э. (Ароллони Дискон, Секст Эмпирик и др.).

58 Как отмечают С. Барни с коллегами (Barney et al. 2006, 52), здесь Исидор (как и его источники — Кассиодор и Великий Лонг) в первую очередь возражает против написания *apud* с конечным -t, в связи с чем Генрих Кайль (GL 7.154) предлагает читать *sicut 'ad' praepositio* вместо неожиданного *sicut 'ad patrem'*.

59 То есть ошибкой будет писать *equor*: первой буквой нужно поставить начальную a- из *aqua*.

60 У многих авторов серебряного века и позднейших принято написание *formonus*; *formus* в смысле ‘горячего’ (ср. греч. θερμός) — совсем позднее слово.

[11] Некоторые считали, что букву I между двумя гласными, например в словах *Troia* и *Maia*, надо прописывать дважды. Но здравый смысл этого не позволяет: ведь три гласных кряду никогда не пишутся в одном слого. Однако буква I между двумя гласными считается за двойную. [12] Местоимение среднего рода *id*, коль скоро имеем *is*, *ea*, *id* [‘он, она, оно’], пишется через D, так как подразумевает *idem* [‘оно самое’]; но через T — если это глагол в третьем лице, *eo*, *is*, *it* [‘иду, идешь, идет’], [так как подразумевает] *itur* [‘проходится’].

[13] Букву K древние писали спереди всякий раз, как следом шла A, например *kaput* [‘голова’], *kanna* [‘тростник’], *kalamus* [‘тростинка’]. Ныне же с нею пишутся только *Karthago* и *kalendae*. А вот все греческие имена независимо от следующей буквы пишутся через K. [14] *Laetus* [‘веселый’] пишется через дифтонг, поскольку ‘веселость’ — от ‘широты’ (*laetitia* a *latitudine*), в противоположность грусти, означающей стеснение. Иногда мы используем букву L вместо D, например *latum* [‘принесенное’] вместо *datum* [‘данное’] и *calamitas* [‘напасть’] вместо *cadamitas*; ведь напасть свое имя получила от падения (a *cadendo*).

[15] *Maximus* или *maximus*: остается под вопросом, как надлежит писать это и другие подобные слова. Варрон передает, что у Цезаря было обыкновение произносить и писать такого рода слова через I. Авторитет такого мужа и породил обычай писать *maximus*, *optimus*, *pessimus*. [16] *Malo* [‘предпочитаю’] надо писать через одно L, потому что подразумевает *magis volo* [‘больше хочу’]. А *malle* [‘предпочитать’] — через два LL, так как подразумевает *magis velle* [‘больше хотеть’]. *Nolo* [‘не хочу’] — тоже с одним L, а *nolle* с двумя, ибо *nolo* значит как бы *ne volo*, а *nolle* — *ne velle*.

[17] *Os*, если подразумевает ‘лицо’ либо ‘кость’, пишется с одним O; если же человека, то спереди следует приписать H⁶¹. [18] *Ora* границ [‘берега’] пишется через O, *hora* дней [‘час’] — через H. *Opus*, если речь о бремени, должно писаться с одним O; а если о чести [арх. *honor* ‘честь’] — то с придыханием H. [19] *Praepositio* [‘предлог’] и *praeterea* [‘кроме того’] надлежит писать через дифтонг. *Pene* в значении союза [‘почти’] пишется с одним E, *poena* в смысле ‘наказания’ — через OE.

[20] Буква Q лишь тогда пишется правильно, когда тотчас вслед за нею идет буква U и затем одна либо несколько всё равно каких гласных, так что образуется один слог. Прочие слова пишутся с C. [21] Местоимение *quae* [‘которые’] нужно писать с A, союз *-que* [‘и’] — без. *Quid* [‘которое’] в роли местоимения пишется через букву D, а в качестве глагола [‘мочь’] — через T: его исходная форма *queo*, *quis*, *quit*, а в сложении — *nequeo*, *nequis*, *nequit*. [22] *Quod* [‘что’] в качестве местоимения пишется через D, а в числовом смысле — через T [*quot*: ‘сколько, еже-’], потому что *totidem* [‘столько же’] пишется с T. *Quotidie* [‘ежедневно’] надо писать через Q, а не C, потому что это как бы *quot diebus* [‘сколько-то дней’]. [23] Буква R имеет связь с S. Вот и у древних говорилось *honor*, *labos*, *arbos*, а теперь — *honor* [‘честь’], *labor* [‘труд’], *arbor* [‘дерево’]. [24] *Sat* [‘достаточно’] надо

61 Имеется в виду асс. pl. *hos* ‘их’.

писать через T, так как полностью будет *satis*. *Sed* [‘но’] нужно писать с D. Ведь у древних говорилось *sedum* вместо *sed* — это мы обрѣзали последние две буквы. [25] *Tamtus* [‘какой’], как и *quamtus* [‘такой’], раньше имели M в середине, поскольку произошли от *quam* [‘как’] и *tam* [‘так’], отсюда же *quamtitas*, *quamtus*, *tamtus*. [26] Междометье *vae* [‘увы’] следует писать с A, а союз *-ve* [‘или’] — без A. [27] *Xřs* [Χριστός], поскольку это от греков, должно писаться через X, как и *xrisma* [χρῖσμα: ‘помазание’]. [28] Буквы Y и Z пишутся только в греческих именах. Так, в слове *iustitia* [‘правосудие’], хотя и слышится звук буквы Z, писать нужно T, потому что это латинское слово. Так же *militia* [‘войско’], *malitia* [‘злоба’], *nequitia* [‘негодность’] и другие подобные. [29] В сомнительных словах, когда одна и та же буква давала один смысл, если была краткой, и иной — если протянутой, у древних в обычае было пометить долгие слоги апексом; например, с помощью апекса различали, что обозначает *populus*: дерево [pōpulus: ‘тополь’] или множество людей [pōpulus: ‘народ’]. Так же и в случае удвоения согласных надписывали ‘серпик’ (*sicilicus*)⁶², например в словах *cella* [‘каморка’], *serra* [‘пила’], *asserres* [‘жерди’]. Древние не удваивали буквы, а ставили сверху серпик — эта метка извещала читателя, что буква должна быть удвоена.

xxviii. ОБ АНАЛОГИИ. [1] Ἀναλογία по-гречески, по-латыни именуется сравнением либо соотносением (*proportio*) подобного. Сила его в том, что нечто сомнительное соотносится с чем-то бесспорным, и неясное объясняется определенным. Восемью способами выводится сравнение аналогии: по качеству, сравнительной степени, роду, числу, форме (*figura*), падежу, окончаниям из подобных слогов, подобию времен. [2] Если что-либо одно из названного отсутствует, значит, это уже не аналогия, то есть подобие, но скорее аномалия, иначе говоря ‘вне правила’, как, например, *lepus* [‘заяц’] и *lupus* [‘волк’] — во всем совпадают, но по падежным окончаниям расходятся: *lupi*, но *leporis*. По правилу же, когда выясняешь, скажем, какого рода слово *trames* [‘тропа’], мужского или женского, и оказывается, что *limes* [‘граница’, м. р.] во всех формах склонения ему подобно, выходит, что и *trames* — мужского рода.

[3] Точно так же, если не уверен, какого рода слово *funis* [‘канат’], подобие в склонении со словом *panis* [‘хлеб’, м. р.] указывает, что мужского. Сравнение положительных степеней тоже показательно, например *doctus* и *magnus*: оба слова в положительной степени и друг другу подобны. Бывает аналогия и по уменьшительной форме: что *funis* — мужского рода, показывает *funiculus*, что *marmor* среднего — *marmusculum*. [4] Ведь какой род в исходной форме, тот же обычно и в уменьшительной. Впрочем, не всегда: например, *pistrinum* [‘мельница-толчея’, ср. р.], но *pistrilla* [‘мельничка’, ж. р.]. И всё же, если мы должны узнавать склонение из сравнения положительной формы, то и род должны выводить из уменьшительной.

xxix. ОБ ЭТИМОЛОГИИ. [1] Этимология есть начало слов (*vocabulorum*), когда сила глагола либо имени постигается истолкованием. Аристотель называл ее

62 Марий Викторин (4 в. н. э.) приравнивает *sicilicus* к ‘лицевой дипле’ (διπλή *aversa*, GL 5.23).

σύμβολον, Цицерон — ‘примечанием’ (adnotatio)⁶³, потому что она, предоставляя пример, делает имена и глаголы вещей приметными (nota) — например, *flumen* [‘поток’] нарекается от течения (a fluendo), поскольку он вырос из течения. [2] Часто знание этимологии содержит необходимое подспорье для истолкования слова: ведь если увидишь, откуда возникло имя, быстрее поймешь его силу. Со знанием этимологии становится проще вникнуть в любой предмет⁶⁴. Не все имена древние установили по их природе, но какие-то — и по собственному произволу, как и мы порой даем имена невольникам и имуществу, какие нам понравятся. [3] Этимологии не всех имен можно отыскать, и причина здесь в том, что некоторые приняли названия не по своим прирожденным качествам, но по прихоти человеческой воли.

Этимологии даются именам либо по их причине, например *reges* [‘правители’] от правления (a regendo) и правильного образа действий (recte agendo), либо по началу, как *homo* [‘человек’], ибо возник из земли (humo), либо по противоположностям, как *lutum* [‘грязь’] от мытья (a lavando), хотя грязь не чиста, и *lucus* [‘роща’], коль скоро тенистая сень ее пропускает мало света (parum luceat). [4] Иные возникли как производные от имен, например *благоразумный* от благоразумия; иные из звукоподражания (ex vocibus), как *garrulus* [‘болтливый’] от стрекотания (a garrulitate); иные от греческой этимологии, а склоняются по-латыни, например *silva* [‘лес’]⁶⁵, *domus* [‘дом’]. [5] Иным же названиям дают начало имена мест, городов или рек. Множество других берется из наречий разных народов, потому и непросто опознать их происхождение. Много есть варварских имен, неизвестных латинянам и грекам.

xxx. о ГЛОССАХ. [1] Глосса получает название из греческого, где означает ‘язык’ [γλῶσσα]. Философы называют ее ‘наречием’ (adverb[i]um), поскольку она определяет некоторое спорное речение одним словом. То есть одним словом объявляет, что заложено в том или ином речении, например «умолкание значит молчание». [2] Или (Verg. *Aen.* 10.314):

[Per tunicam squalentem auro] latus haurit apertum.

[Туники ткань разорвав, тяжелой от золота], в ребра
Влился [Энея клинок].

63 Сис. *Top.* 8.35: «Многое можно почерпнуть из обозначения, то есть когда доказательство улавливается из смысла имени, что греки называют ἐτυμολογία, буквально ‘истиннословие’. Мы, однако, избегая слова нового и довольно неуклюжего, называем этот род *notatio* (‘обозначение’), ибо слова суть *notae* (‘знаки’) вещей, и Аристотель называл именем σύμβολον то, что по-латыни есть *nota* (‘знак’)» (пер. А. Е. Кузнецова).

64 Ср. у Тертуллиана (*Fug.* 1.2): *omnis enim rei inspectio auctore cognito planior*, т. е. «со знанием автора» Исидор заменяет на «со знанием этимологии» — на это обращает внимание Ж. Фонтен (Fontaine 1981, 100).

65 Ср. *Etym.* 17.6.5, где Исидор производит слово *silva* (quasi *xy/va*) от греч. ξύλον ‘дерево, древесина’, хотя более ранние латинские авторы связывали его скорее с греч. ὕλη ‘лес’, см. EM, s.v. *silva*.

[И глосса]: «влился: пронзил». Точно так же, когда «предел» (*terminus*) передаем как «границу» (*fines*), а «разоренные» (*populatas*) толкуем как «опустошенные» (*vastatas*), и вообще слово за слово проясняем какую-либо вещь.

xxxI. О РАЗЛИЧИЯХ. [1] Различение есть вид определения, которое пишущие об искусствах (*scriptores artium*) называют 'о том же самом и о различном'. Так две какие-либо вещи, которые из-за того или иного сродства между ними смешиваются друг с другом, с привнесением различия разделяются, и становится понятно, чем является каждая из них. Задаться, к примеру, вопросом, что отличает царя от тирана: различение позволяет определить того и другого — «царь скромнен и умерен, тиран жесток». Так с привнесением различия между этими двумя дается знание о том, чем именно тот и другой являются. И так далее.

xxxII. О ВАРВАРИЗМЕ. [1] Варваризм — это слово, выраженное с порчей буквы или звука. Буквы — например, *floriet*, когда следовало бы сказать *florebit* ['зацветет']; звука — если вместо среднего слога протягивается первый, например в *latebrae* ['тайники'] или *tenebrae* ['потемки']⁶⁶. А прозывается варваризмом по племенам варварским, поскольку те не ведали чистоты латинской речи. Подчиняясь римлянам, каждое племя вместе с богатствами своими приносило Риму также порчу и слов, и нравов. [2] Есть разница между варваризмом и варваролексией: варваризм имеет место в латинском слове, когда оно коверкается; когда же варварскими словами пересыпают латинскую речь, это варваролексия. Опять же, когда в прозе происходит порча слова, это называется варваризмом, а когда в размере — метаплазмом. [3] Варваризм имеет место как на письме, так и в произношении. Письменный четырех разновидностей: если кто добавит, отнимет, изменит или убавит в слове букву либо слог. Устный же относится к длительностям, ударениям, придыханиям и прочему, с этим связанному. [4] Варваризм по длительностям возникает, если вместо долгого слога используется краткий или вместо краткого — долгий. По ударениям — если акцент переставляется на другие слоги. По придыханию — если буква H добавляется, где не надо, или изымается, где должна стоять. [5] По зиянию (*hiatus*) — когда произносимый стих прерывается, прежде чем закончится, или когда гласная следует за гласной, как в *Musae Aonides* ['Музы Аониды']. Еще варваризм порождается мотацизмом, [йотацизмом] и ламбдацизмом. [6] Мотацизм — это когда за буквой M следует гласная, например *bonum aurum* ['доброе золото'], *iustum amicum* ['справедливого друга']; но этого порока нам легко избежать, проглотив либо пропустив букву M. [7] Йотацизм относится к звуку, который удваивается на букве I, как в словах *Troia* или *Maia* — когда произношение этих букв настолько слабо, что слышится одна йота, а не две. [8] Ламбдацизм — это когда вместо одной L произносятся две, как делают африканцы, например *colloquium* ['беседа'] вместо *conloquium*; или когда одну L

66 E среднего слога в *latēbra* — долгое 'по природе', а в *tenebrae* может быть таковым только 'по положению' (в стихотворной строке); *latēbra* могло получаться как раз по аналогии с *tenebrae*.

мы произносим слабее, а две раскатистой (*largius*). [9] Коллизия — когда окончание крайнего слога повторяется в начале другого, например в *matertera* [‘тетка по матери’].

xxxiii. О СОЛЕЦИЗМЕ. [1] Солецизм есть нескладное соединение между собой многих слов, так же как варваризм — порча одного слова. Итак, солецизм — это неправильно связанные слова, например если кто-нибудь скажет *inter nobis* вместо *inter nos* [‘между нами’] или *date veniam sceleratorum* вместо *sceleratis* [‘подарите милость злодеям’]. [2] Называется же солецизмом от киликийцев, родом из города Солы, что ныне зовется Помпейополем: живя среди чужих, они коверкали и портили их язык, перемешивая его со своим, — этим и дали название солецизму. Отсюда и тех, кто говорит подобным образом, называют ‘впадающими в солецизмы’ (*soloecismos facere*).

[3] А у поэтов солецизмом зовется схема, какая случается в стихе из необходимости соблюсти размер. Когда же такой необходимости нет, остается лишь изъян (*culpa*) солецизма. [4] Солецизм бывает двух разновидностей: по частям речи и по привходящим (*accidentia*). По частям речи — если одну часть мы используем вместо другой, например приставляем предлоги к наречиям. Привходящие — это всё то, что привносится в части речи, а именно качества, роды и числа, формы и падежи. Всё это дает повод для солецизма, как изложено Донатом⁶⁷. [5] Кроме того, бывают солецизмы и многих других разновидностей. Так, Луцилий насчитал сто их родов, и всякий, кто стремится держаться правильной речи, должен всех их избегать, скорее чем использовать.

xxxiv. О ПОРОКАХ РЕЧИ. [1] Грамматики называют пороками то, чего нам следует остерегаться в речах. Вот они: варваризм, солецизм, акирология, какемфатон, ну и прочие. [2] Варваризм — это порча одного слова. [Например, если кто-то протягивает третий слог в *ignoscere* [‘не знать’].] [3] Солецизм — порча в соединении слов. [Например, если кто-то скажет *inter nobis* вместо *inter nos* [‘между нами’].] [4] Акирология — неуместное выражение, например (*Lucan. Bell. civ. 2.15*):

...liceat sperare timentī.

...и останется трусу — надежда.

Ведь для труса уместен страх, а не надежда. Или еще (*Verg. Aen. 5.286–287*):

[Нос *pius Aeneas misso certamine tendit*] *gramineum in campum*...

[Так состязанье одно завершилось.] В луга травяные

[Тотчас Эней поспешил]⁶⁸.

О лугах уместно было бы сказать *graminosum* [‘травянистый’], а не *gramineum* [‘травяной’]. Какемфатон — непристойное либо нескладно звучащее выражение. [5] Пример непристойного (*Verg. Aen. 1.579*):

67 См. *Ars maior* (GL 4.393–394).

68 В тексте Исидора другой падеж, *gramineo in campo*. В классическом переводе С. А. Ошеров под ред. Ф. А. Петровского: «на луг травянистый».

His animum arrecti dictis.

Духом воспряли тугим⁶⁹.

Пример нескладного (Verg. *Aen.* 2.27–28):

[panduntur portae], iuvat ire et Dorica castra
[desertosque videre].

[Настежь створы ворот]: как сладко выйти за стены,
[Видеть брошенный] стан дорийцев.

Это дурное соединение — начинать с того же слога, на который оканчивается предыдущее слово [Dorica castra].

[6] Плеоназм — добавление излишнего слова, например (Verg. *Georg.* 2.1):

Nactenus arvorum cultus et sidera caeli.

О хлебопашестве я рассказал и созвездьях небесных⁷⁰.

Где же еще быть звездам, кроме как на небе? [7] Периссология — добавление нескольких излишних слов, например (*Втор.* 33:6): «Да живет Рувим и да не умирает»: как же еще жить, иначе как не умирая? [8] Макрология — многословие, захватывающее ненужные вещи, например (Liv. fr. 74 Jal): «Не заключивши мира, послы оттуда воротились, домой вернулись». [9] Тавтология — тождество (idemloquium), например (Verg. *Aen.* 1.546–547):

[Quem] si fata virum servant, si vescitur aura
aethera, neque adhuc crudelibus occubat umbris.

Если его пощадила судьба, если воздухом дышит
Он, если видит эфир и к жестоким теням не спустился.

Здесь повторяется одно и то же, только выражено массой слов. [10] Эллипсис (eclipsis) — это неполное выражение, в котором недостает необходимых слов, например (Verg. *Aen.* 4.137–138):

Cui pharetra ex auro.

...за плечами —

Звонкий колчан золотой.

Недостает слова *erat* [‘был’]. [11] Тапиносис — уничижение, умаляющее в речи статус великой вещи, например (Verg. *Aen.* 1.118):

Adparent rari nantes in gurgite vasto.

Изредка видны пловцы среди широкой пучины ревущей.

Вместо *mare* [‘море’] поэт использовал *gurges* [‘пучина, омут’]. [12] Какосинтез — порочное соединение слов, например (Verg. *Aen.* 9.609–910):

69 В переводе Ошерова – Петровского: «духом воспрянули вмиг» (Эней и Ахат от речей Дидоны). В переводе А. А. Фета под ред. Д. И. Нагуевского: «в духе возбуждены».

70 Здесь и далее Вергилиевы «Георгики» и «Буколики» в переводе С. В. Шервинского.

...versaque iuvenicum
terga fatigamus hasta.

...словно стрекалом,
Древком копья погоняем быков⁷¹.

[13] Амфиболия — двусмысленное выражение, обусловленное, например, [двойным] винительным падежом, как тот ответ Аполлона Пирру (Enn. *Ann.* 174):

Aio te, Aeacida, Romanos vincere posse.

Истинно: римский народ победит Эпир Эакидский.

Неясно, кому в этом стихе он пророчил победу. [14] Бывает [амфиболия] и от неясного различия, например (Verg. *Aen.* 1.263):

Bellum ingens geret Italia.

Долго сраженья вести он в Италии будет.

Неясное различие здесь — непонятно, то ли *bellum ingens* [‘великая война’], то ли *ingens Italia* [‘великая Италия’]. [15] Бывает и от общего [communis: отложительного] глагола, например *Deprecatur Cato, calumniatur Cicero, praestolatur Brutus, dedignatur Antonius* [«проклятие Катона, порицание Цицерона, поджидание Брута, презрение Антония»]. В этой двусмысленности не понять, то ли они других, то ли другие их проклинаят, порицают и т. д. [16] Случается и от омонимии, когда в одном имени заключено множество значений: например, в *acies* [‘острие, острота’] — если не добавить ‘меча’ или ‘взора’ или ‘войска’.

xxxv. О МЕТАПЛАЗМАХ. [1] Μεταπλασμός — греческое слово, по-латыни это называется превращением (*transformatio*). Случается в отдельном слове из необходимости соблюсти размер либо вследствие поэтической вольности, и вот каких разновидностей. [2] Протесис, добавление в начале слова, например [*gnato* вместо *nato* [‘рожденным’], *tetulit* вместо *tulit* [‘принес’]]. Эпентесис, добавление в середине слова, например [(Verg. *Aen.* 3.409):

[*hac casti*] maneant in relligione nepotes;

Пусть и у внуков завет этот так же свято блюдетя;

relligione вместо *religione*⁷², *reliquias* вместо *reliquias* [‘остатки, останки’], *induperator* вместо *inperator* [‘император’]]. [3] Парагога, добавление в конце, например *admittier* вместо *admitti* [‘быть допущенным’]⁷³, *magis* вместо *mage*

71 Из Помпеева комментария к Донату (GL 5.295) можно понять, что «порок речи» в данном случае — просто чрезмерное искажение естественного порядка слов: *versa hasta iuvenicum terga fatigamus*.

72 Добавленное *-i-* обеспечивает в данном слове долготу первого слога.

73 Архаическая и классическая формы infinitivi praesentis passivi.

[‘больше’]⁷⁴ и *potestur* вместо *potest* [‘может’]⁷⁵. Афересис, усечение в начале слова, например *temno* вместо *contemno* [‘презираю’]. Синкопа, усечение в середине, например *forsan* вместо *forsitan* [‘возможно’]. Апокопа, усечение в конце, например *sat* вместо *satis* [‘достаточно’]. [4] Экстасис, неестественное протяжение, например [(Verg. *Aen.* 1.498–499):

exercet Dīana choros,
...хороводы
Водит Диана⁷⁶,

или (Verg. *Aen.* 1.1–2):

Ītaliā fātō [profugus],
...в Италию [первым из Трои —]
Роком [ведомый беглец],

хотя *Italiā* следовало бы произносить с кратким [начальным Ī]. Систола, неестественное сокращение, как [(Verg. *Aen.* 6.773):

...urbemque Fīdenam,
...и город Фидену⁷⁷,

где первый слог нужно протягивать. Или как *Orion* мы произносим, сокращая гласные, тогда как следует протягивать]. Диэресис, рассечение слога надвое, например [(Verg. *Aen.* 9.26):

[dives equum], dives pictai vestis [et auri],
[Гордых] обильем [коней], и одежд узорных, [и злата],

вместо *pictae*, или (Enn. *Ann.* 31 Skutsch = 33 Vahlen):

...Albai longai.
...Альбы Лонги,

вместо *Albae longae*. [5] Эписиналефа, склеивание двух [слов] в один, например [*Phæthon* вместо *Phaëthon*, *Neri* вместо *Nerei*, *æripedem* вместо *aëripedem*]. Синалефа, стяжение гласных с гласными в примыкающих словах, например [(Verg. *Aen.* 9.1):

Atque ea diversa penitus dum parte geruntur.
Эти покуда дела вдалеке от Лаврента вершатся].

74 Здесь наоборот — классическая и архаическая формы.

75 *Potestur*: архаическое уподобление активной формы пассивной.

76 В поэзии доминирующей была форма *Dīana*, но, как видим, ‘естественной’ формой Исидор считает *Dīana*. Ср. Варроново этимологизирование *Diviāna* (*Ling.* 5.68), но и *Deviana* (fr. 103 Funaioli = ap. Prob. Verg. *Ecl.* 6.31), а также эпиграфическое *Deana*.

77 Перевод А. А. Фета и В. С. Соловьева под ред. Д. И. Нагуевского.

[6] Эллипсис (eclipsis), стяжение согласных с гласными, например [(Verg. *Aen.* 1.3):

...multum ille et terris iactatus et alto.

Долго его по морям и далеким землям бросала].

Антитесис, подмена (contrapositio) одной буквы другою, например *inpete* и *impetu* [‘порывом’], *olli* и *illi* [‘они’]. Метатесис, перестановка букв, например *Thymbre* вместо *Thumber*, *Evandre* вместо *Evander*. [7] Между варваризмом и фигурами, то есть совершенным латинским выговором (elocutio), стоит метаплазм, каковой может проявиться пороком речи в отдельном слове. И между солецизмом и схемой, то есть совершенной связью слов, стоит фигура⁷⁸, которая может проявиться пороком речи в сплетении слов. Итак, метаплазмы и схемы стоят посередине и различаются степенью искусственности либо неискренности. Они применяются также для украшения.

xxxvi. О ФИГУРАХ. [1] Σχήματα в переводе с греческого на латынь означает ‘фигуры речи’: они имеют место в словах либо предложениях в разнообразных формах выражения ради украшения речи. Много их насчитывают грамматик, но вот какие встречаются. [2] Пролепсис (prolepsis) есть предвосхищение (praesumptio), когда то, что должно следовать, ставится наперед, например (Verg. *Aen.* 12.161–162):

Interea reges ingenti mole Latinus
[quadriiugo vehitur curru].

Тою порой показались цари: [в колеснице четверкой]
Едет могучий Латин.

Ведь следовало бы сказать *Interea reges ingenti mole* [«меж тем цари могучею глыбой»] и тотчас добавить идущее следом, а именно (Verg. *Aen.* 12.169) *procedunt castris* [«лагерь покинув, идут»], а затем уже продолжить: *Latinus...* и т. д.; но ради украшения сделано предвосхищение предмета, и то, что должно следовать сразу вслед за «царями», отложено на семь стихов и добавлено после: *procedunt castris*. Потому и предвосхищение, ибо то, что должно следовать, поставлено наперед. [3] Зевгма — это замыкание, поскольку замыкает несколько фраз на одном слове⁷⁹. Есть три ее разновидности, ибо слово это, соединяющее фразы, ставится либо в начале, либо в конце, либо в середине. Пример начальной зевгмы (Lucil. *Sat.* 139):

78 Исидор, как всегда, не очень последователен в своей терминологии: в следующей фразе, как и в следующей главке, «схема» приравнивается к «фигуре». Общий смысл такой: искажение речи (метаплазм) может быть как намеренным и искусным (схема или фигура), так и нечаянным, по невежеству (порок речи, солецизм).

79 *Zeugma est clausula, quum plures sensus uno verbo clauduntur*. Проще говоря, зевгма — это член предложения, на котором смыкаются сразу несколько «фраз», выраженных подчиненными членами.

Vertitur oenophoris fundus, sententia nobis.

Дно показал кувшин, а с ним разумение наше⁸⁰.

Пример срединной (Enn. *Ann.* 329):

Graecia Sulpicio sorti data, Gallia Cottae.

Греков Сульпицию жребий отдал, Галлию Котте.

Пример конечной (Ter. *Andr.* 67):

...namque hoc tempore
obsequium amicos, veritas odium parit.

...ведь в наши дни друзей
Угодливость родит, а правда — ненависть⁸¹.

[4] Гипозевксис — фигура, противоположная предыдущей, когда для каждой фразы выделяется собственное замыкание, например (Verg. *Aen.* 10.149):

Regem adit et regi memorat nomenque genusque.

Там предстал пред царем и назвал царю имя и род свой.

[5] Силлепсис — в нестыкующихся частях предложения: глагол в единственном числе замыкает речение во множественном⁸², например (Verg. *Aen.* 1.553):

...sociis et rege recepto;
Если снова найдется царь и спутники;

либо глагол во множественном числе дополняет речение в единственном, например (Verg. *Ecl.* 1.80–81):

...sunt nobis mitia roma,
[castanaeae molles] et pressi copia lactis.
...у меня творога изобилье,
Свежие есть плоды, [созревшие есть и каштаны].

Ведь выше он сказал *sunt* [sc. рома 'плоды', мн. ч.], а тут должен был сказать *est et pressi copia lactis* [сориа 'изобилье', ед. ч.]. [6] Силлепсис относится не только к частям речи, но и к их привходящим (*accidentia*). Всюду, где единственное используется вместо множественного или множественное вместо единственного, налицо силлепсис. Пример единственного вместо множественного (Verg. *Aen.* 2.20):

80 Перевод Е. Г. Рабинович.

81 Перевод А. В. Артюшкова.

82 *Syllepsis est in dissimilibus clausulis aut pluralis dictio singulari verbo finita... aut singularis dictio plurali verbo expleta*. Проще сформулировано у Доната, источника Исихора (GL 4.397). Еще проще — «отнесение предиката к ряду субъектов при грамматической его согласованности с одним только из них» (Дворецкий, s.v.).

...uterumque armato milite conplent,

Воином вооруженным заполнили [тайно] утробу⁸³,

хотя речь не об одном, а о многих воинах. То же и при замене множественного единственным, как в Евангелии (Мф. 27:44): «Также и разбойники, распятые с Ним, поносили Его», где хула вкладывается в уста обоим, а не одному⁸⁴.

[7] Анадиплосис — это когда следующий стих начинается с того же слова, каким закончился предыдущий, например (Verg. *Ecl.* 8.55–56):

certent et cygnis ululae, sit Tityrus Orpheus,
Orpheus in silvis, inter delphinas Arion.

С лебедем спорит сова, — да станет Орфеем и Титир,
Титир — Орфеем в лесах, меж дельфинов — самим Арионом!

[8] Анафора — это повторение одного и того же слова в начале нескольких строк, например (Verg. *Aen.* 3.156–157):

nos te Dardania incensa tuaque arma secuti,
nos tumidum sub te permensi classibus aequor.

Мы пошли за тобой из сожженного края дарданцев,
Мы на твоих кораблях измерили бурное море.

[9] Эпанафора — повторение одного и того же слова в начале каждой фразы внутри одного стиха, например (Verg. *Aen.* 7.759–760):

te nemus Angitiae, vitrea te Fucinus unda,
te liquididi flevere lacus.

Рощ Ангитийских листвою ты, Фуцина стеклянной волной ты,
Влагой озер оплакан ты был.

[10] Эпизевксис — удваивание слова в одной фразе, например (Verg. *Aen.* 4.660):

...sic sic iuvat ire per umbras.

...но так, так хочу умереть я⁸⁵.

[11] Эпаналепсис (epanalempsis) — повтор слова, стоящего в начале стиха, в конце этого же стиха, например (Juv. *Sat.* 14.139):

Crescit amor nummi quantum ipsa pecunia crescit.

Денег желанье сильнее, чем больше накоплено денег⁸⁶.

83 В переводе Ошерова – Петровского силлепсис потерян: «в полой утробе громады / Тайно замкнувши отряд отборных бойцов снаряженных».

84 Возможное объяснение этого странного примера — использование в греческом источнике Исидора формы ед. ч. ὠνείδιζεν вместо мн. ч. ὠνείδιζον ('поносили': по-латыни у Исидора мн. ч. *improperabant* без каких-либо разночтений).

85 В переводе Ошерова – Петровского: «но умру желанною смертью».

86 Перевод Ф. А. Петровского.

[12] Парономасия состоит в использовании почти одного и того же речения в разных значениях, например *Abire an obire te convenit?*, то есть «[что предпочтешь], уйти в изгнание или отойти в мир иной?». [13] Схесис ономатон [σχέσις ὀνομάτων: ‘связь имен’] — это множество сопряженных имен, выстроившихся как на параде (*quodam ambitu copulata*), например (*Lucr. Rer. nat.* 5.1192):

Nubila, nix, grando, procellae, fulmina, venti.

Солнце и тучи, и снег, и град, и молнии, и ветры⁸⁷.

[14] Паромей⁸⁸ — множество слов, начинающихся с одной и той же буквы, как такое вот место у Энния (*Ann.* 109):

O Tite tute Tati tibi tanta tyranne tulisti.

О Тит Татий тиран, тяготят тебя тяготы эти!

Вергилий же удачно умеряет эту фигуру, охватывая ею не весь стих, как Энний, но лишь начало, например (*Verg. Aen.* 1.295–296):

saeva sedens super arma, [et centum vincetus aenis,]

[Связана сотней узлов,] восседая на груди оружия,

а иногда и конец, например (*Verg. Aen.* 3.183):

sola mihi tales casus Cassandra canebat.

Мне лишь Кассандра одна предсказала превратности эти.

[15] Гомеоптот — это когда несколько имен употребляются в одном и том же падеже, например (*Verg. Aen.* 12.903–904):

*sed neque currentem, sed nec cognoscit euntem,
tollentemque manu saxumque inmane moventem.*

Но ни вперед выходя, ни спасаясь бегством, ни камень
Тяжкий подняв и метнув, — себя не помнил несчастный.

[16] Гомеотелевтон (*homoeon teleuton*) — это когда несколько глаголов оканчиваются одинаковым образом, например (*Cic. Catil.* 2.1): *abiit, abcessit, evasit, erupit* [«ушел, удалился, выехал, вырвался»]. [17] Полиптот — когда предложение разнообразится различными падежами, например (*Pers. Sat.* 3.83–84):

de nihilo nihilum, in nihilum nil posse reverti;

[Нельзя зародиться]

Из ничего ничему и в ничто ничему обратиться;

и еще (*Pers. Sat.* 5.78–81)⁸⁹:

87 Здесь и далее Лукреций в переводе Ф. А. Петровского.

88 *Paromoeon*, греч. παρόμοιον, чаще παρομοίωσις ‘созвучие’, причем на греческой почве — скорее в окончаниях фраз или стихов, чем в их зачинах.

89 В тексте Исидора полиптот расширен генитивом: *Marci Dama*.

...[momento turbinis exit]

Marcus Dama. papae! Marco spondente recusas
[credere tu nummos? Marco sub iudice palles?]
Marcus dixit, ita est. adsigna, Marce, tabellas.

...[и мигом тут обернется]

Марком твой Дама. Эге! [Взаймы ты дать мне] не хочешь,
Если поручится Марк? [При Марке-судье ты бледнеешь?]
Марк подтвердил, — так и есть. Засвидетельствуй, Марк, документы.

[18] Ирмос есть форма продолжающейся речи, до последнего придерживающей свой смысл (tenorem)⁹⁰, например (Verg. *Aen.* 1.159):

Est in secessu longo locus, insula portum,
Место укромное есть, где гавань тихую создал,

и так далее. Отсюда фраза надолго затягивается вплоть до вот этого места (Verg. *Aen.* 1.165):

[desuper] horrentique atrum nemus imminet umbra.
Темная роща ее осеняет пугающей тенью.

[19] Полисинтетон — это предложение, сцепленное множеством союзов, например (Verg. *Georg.* 3.344–345):

...tectumque, laremque,
armaque, Amicleumque canem.
...жилище, и лара
И Амиклейского пса, и оружие.

[20] Диалитон или асиндетон [asyndeton: ἀσύνδετον] — это фигура, которая наоборот произносится без союзов, свободно и просто, например *Venimus, vidimus, placuit* [«пришли, увидели, понравилось»]. [21] Антитеза [antitheton: ἀντίθετον = ἀντίθεσις] — это где противоположности противопоставляются друг другу, сообщая красоту предложению, например (Ovid. *Met.* 1.19–20):

arigida pugnabant calidis, humentia siccis,
mollia cum duris, sine pondere, habentia pondus.
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким⁹¹.

[22] Гипаллага — это когда слова понимаются через обратное, например (Verg. *Aen.* 3.61):

90 *Hirmos*, греч. εἰρμός 'сплетение', в Исидоровом толковании переключается, но не совпадает, с одноименной богослужебной формой.

91 «Метморфозы» Овидия в переводе С. В. Шервинского.

...dare classibus Austros,
 ...судам запустить ветр⁹²,

хотя это корабли пускают по ветру, а не ветер по кораблям.

xxxvii. О ТРОПАХ. [1] Греческим именем тропов грамматики называют то, что на латынь переводится как 'обороты речи' (*modi locutionum*). Они движутся от собственного значения к подобному несобственному. Имена всех тропов перечислить трудно, но вот тринадцать рекомендованных к использованию Донатом⁹³. [2] Метафора есть присвоение и перенесение (*usurpata translatio*) какого-либо слова, например когда мы говорим *fluctuare segetes* ['волны' о хлебах] или *gemmae vites* ['россыпи' о лозах], хотя в этих вещах нам не найти ни волн, ни самоцветов, каковые перенесены в эти выражения откуда-то еще. Но метафора и другие тропические обороты прикрываются фигурными покровами, загораживая то, что требуется понять, дабы наострять разумение читателя, а не опошлять эти вещи в наготе и неприкрытости. [3] Есть четыре разновидности метафор: от одушевленного к одушевленному, например (Anon. fr. 6 Courtney):

Aligeros conscendit equos.
 Он оседлал коней крылатых.

Четвероногое тут метафорически смешивается с крылами птиц, а здесь (Verg. *Ecl.* 6.80):

quo cursu deserta petiverit...
 Вспомнил о бегстве ее...⁹⁴

полет птицы смешивается с бегом четвероногого. От неодушевленного к неодушевленному, например (Anon. fr. 4 Courtney):

Pontum pinus arat, sulcum premit alta carina
 Пашет пучину весло, бороздú киль глубокий взрезает.

Тут возделывание земли связывается с морем, так как пахать и взрезать борозду относится к земле, а не к морю. [4] От неодушевленного к одушевленному, например *florida iuventus* ['цветущая юность']: неодушевленные цветы связывается с юностью, у которой есть душа. От одушевленного к неодушевленному, например (Anon. fr. 5 Courtney, ap. Aug. *Doctr. christ.* 3.7.11):

Tu, Neptune pater, cui tempora sana crepanti
 cincta salo resonant, magnus cui perpete mento
 profluit Oceanus, et flumina crinibus errant.
 Отче Нептун, чьи увиты соленою пеной, седые
 Шумны, как волны, виски, у кого бородой бесконечной
 Мощный течет Океан, волосами же реки струятся.

92 Ошеров – Петровский: «с ветром умчаться».

93 См. GL 4.399–402.

94 Певец Силен о превращенной в ласточку Филомеле.

Но борода, виски и волосы — всё это присуще людям, а не Океану. [5] Так и другие имена вещей красоты ради изящнейше переносятся из одного рода в другой, дабы принарядить речь. Метафора бывает либо односторонняя, как *fluctuare segetes* [‘хлеба волнуются’] — нельзя сказать *segetare fluctus* [‘волны хлебуются’], — либо это антистрофа, то есть обоюдная метафора, например (Verg. *Aen.* 6.19) *remigium alarum* [‘веслице крыльев’]⁹⁵. Ведь можно сказать и *alae navium* [‘крылья кораблей’], и *alarum remigia* [‘веслица крыльев’]. [6] Катахреза — это использование имени для чужеродной вещи. От метафоры она отличается тем, что та обогащает нечто, имеющее имя, тогда как катахреза пользуется чужим за неимением собственного, например (Verg. *Georg.* 2.131):

[ipsa ingens] arbos faciemque simillima lauro,
Дерево [то велико] и лицом так походит на лавры⁹⁶,

или (Verg. *Aen.* 5.156–158):

[et nunc Pristis habet, nunc victam praeterit ingens]
Centaurus; nunc una ambae iunctisque feruntur
frontibus, et longa sulcant vada salsa carina.
То «Кентавр» впереди, [то «Кит» его обгоняет
Мощный], то рядом они, лбами вровень мчатся, и вместе
Длинные кили судов бороздят соленую влагу⁹⁷,

поскольку лицо и лоб — это всё-таки черта животных и людей. Не применил поэт к кораблю этого имени [лоб], не оказалось бы у него подходящего слова для наименования этой части [корабельного носа].

[7] Металепсис [metalempsis: μεταλήψις] есть троп указания последующего из предшествующего (Pers. *Sat.* 3.10–11):

[iam liber et positis bicolor membrana capillis]
inque manus cartae nodosaeque venit arundo.
[Вот уже книга в руке, лощеный двухцветный пергамент],
Свиток бумаги и с ней узловатый тростник для писанья⁹⁸.

‘Рукой’ здесь обозначены слова, ‘тростником’ — буквы.

[8] Метонимия — это переименование, перенесение от одного значения к другому близкому. Есть много ее разновидностей. Либо содержимое указывает на содержащее, например *theatra plaudunt* [‘тетры рукоплещут’] или *prata mugiunt* [‘луга мычат’], хотя это люди рукоплещут, быки — мычат; либо, наоборот, содержащее — на содержимое, например (Verg. *Aen.* 2.311):

95 В поэтическом описании взмахивающих, как весла, крыльев.

96 В переводе С. В. Шервинского: «и очень походит на лавры».

97 Ошеров – Петровский: «рядом они бок о бок мчатся».

98 В тексте Исидора строка начинается с *quaeve* ‘и этой (sc. бумаги)’ вместо *inque* ‘и в (sc. руке)’: судя по всему, он воспринимает *manus cartae* как ‘руку бумаги’, т. е. ‘почерк’ или ‘руку’ автора. Русский перевод Ф. А. Петровского с заменой «в руках» на «в руке».

...iam proximus ardet
 Ucalegon,
 ...уже соседний пылает
 Укалегон⁹⁹,

хотя не сам он горел, а дом его. [9] Так же изобретение [обозначается именем] изобретателя, например (Ter. Eun. 732):

...sine Cerere et Libero friget Venus.
 Без Вакха и Цереры стынет Венера¹⁰⁰,

или (Verg. Aen. 9.75–76):

...[piceum fert fumida lumen
 taeda et] commixtam Volcanus ad astra favillam.
 ...[смоляные дымные ветви]
 Бурно коптят, гонит к звездам Вулкан искрометное пламя¹⁰¹.

Под Церерой, изобретельницей зерна, поэт имеет в виду ‘хлеб’, под Вакхом, изобретшим лозу, — ‘вино’, под Венерой — ‘страсть’, под Вулканом — ‘огонь’. И наоборот, изобретение может указывать на изобретателя, например (Pl. fr. 159 Lindsay = 38 Leo):

Vinum precamur [nam hic deus praesens adest],
 Чтим мы вино, [ибо здесь соприсутствует бог],

говоря ‘вино’ вместо Вакха, который у греков считается его изобретателем. [10] Так и результат (efficientem) [метонимически обозначают] тем, что его вызвало, например *pigrum frigus* [‘цепенящая стужа’], поскольку людей приводит в оцепенение, или *timor pallidus* [‘бледный ужас’], потому что заставляет людей бледнеть. И наоборот, причину — результатом, например (Verg. Aen. 5.817):

ingit equos auri genitor spumantiaque addit
 frena feris.
 Впряг родитель коней в золотую упряжь, взнуздal их
 Пенной уздой.

Поэт сказал ‘пенная узда’, хотя вообще-то не сама она брызжет пеной, а конь, которым правят при помощи узды, покрывает ее пенными брызгами.

[11] Антономасия — это то, что ставится вместо имени, то есть замещает имя, например ‘Майей рожденный’ вместо ‘Меркурий’. Троп этот выводится трояким образом: от духа, например (Verg. Aen. 5.407):

Magnanimusque Anchisiades;
 Великодушный Эней;

99 Перевод А. А. Фета под ред. Д. И. Нагуевского.

100 В переводе А. В. Артюшкова: «Без Вакха и Цереры и в Венере жару нет».

101 Ошеров – Петровский: «Ярко пылают, до звезд взметая искры и пламя».

от тела, например (Verg. *Aen.* 3.619–620):

...ipse arduus, [altaque pulsat
sidera];

...Сам ростом огромен,
[Тянет до звезд]¹⁰²;

от чего-то внешнего, например (Verg. *Aen.* 1.475):

infelix puer atque inpar congressus Achilli.

Отрок несчастный бежит от неравного боя с Ахиллом.

[12] Эпитет — нечто сверх имени [supra nomen: ἐπίθετον ‘добавка’]. Ведь он ставится перед собственно именем, например *alma Ceres* [‘благая Церера’] или (Verg. *Georg.* 1.470):

obscenique canes, inportunaeque volucres.

И зловещатели псы, и не вовремя вставшие птицы.

Разница между антономасией и эпитетом в том, что антономасия ставится вместо имени, а эпитета без имени быть не может. Двумя этими тропами мы либо хулим кого-то, либо описываем, либо хвалим.

[13] Синекдоха есть выражение (consertio), при котором целое понимается из части или часть — из целого. Ею может указываться как род через вид, так и вид через род [но вид есть часть, а род — это целое]. Вот часть выводится из целого (Verg. *Aen.* 6.311–312):

quam multae glomerantur aves, ubi frigidus annus
pontum fugat [et terris immittit apricis].

Сбившись в стаи, летят к берегам, когда зимняя стужа
Гонит их за моря, [в края, согретые солнцем].

Ведь не целый же год студёный, а часть года, зима. Пример обратного — [выведения] целого из части (Verg. *Aen.* 2.256–257):

[litora nota petens], flammam cum regia puppis
extulerat.

[К берегу вновь знакомому шли]. И лишь только взметнула
Царская пламя корма¹⁰³.

Ведь тут не только корма, но и весь корабль, и не только корабль, но и все, кто на нем, и даже не все, а кто-то один взметнул [сигнальный] огонь.

[14] Ономато́пия — это имя, придуманное в подражание нечленораздельному звуку, как-то *stridor* [‘скрипенье’] дверных петель, *hinnitus* [‘ржание’] лошадей, *mugitus* [‘мычанье’] быков, *balatus* [‘блеянье’] овец. [15] Перифраза —

102 Фет – Нагуевский: «Сам ростом хватает / Он до звезд».

103 Ошеров – Петровский: «взметнулось / Пламя на царской корме».

описательное речение (*circumloquium*), когда одна вещь обозначается несколькими словами, например (*Verg. Aen.* 1.387–388):

...auras
vitalis carpit.

Воздух живительный пьешь.

Соединив слова, [поэт] обозначил только одно: ‘ты живешь’. Этот троп двойственный: с одной стороны, он во всем блеске раскрывает правду, с другой — околичностью избегает непотребства. Раскрывает правду во всем блеске (*Verg. Aen.* 4.584; 9.459):

Et iam prima novo spargebat lumine terras
Tithoni croceum linquens Aurora cubile.

Вот и Аврора, восстав с шафранного ложа Тифона,
Зарево первых лучей пролила на земные просторы,

Он хочет сказать *iam luciscebat* [‘уже рассвело’] или *dies ortus erat* [‘день настал’]. А вот как околичностью избегает непотребства (*Verg. Aen.* 8.405–406):

[optatos dedit amplexus] placidumque petivit
coniugis infusus gremio [per membra soporem].

[Ласкам желанным Вулкан] предался, и мирной [дремотой
Он опочил], поникнув на грудь супруги прекрасной¹⁰⁴.

Избегая непристойности при помощи этого иносказания, он показывает совокупление пристойно.

[16] Гипербат — это перестановка [*transcensio: ὑπέρβατον*], когда меняется порядок слов либо предложений. Существует пять его видов: анастрофа, гистерон протерон, парентесис, тмесис, синтесис. Анастрофа — это обратный порядок слов, например *litora circum* [‘берегов кругом’] вместо *circum litora* [‘кругом берегов’]. [17] Гистерон протерон — предложение с измененным порядком [слов], например (*Verg. Aen.* 3.662):

postquam altos tetigit fluctus, et ad aequora venit.

Как до глубоких он волн подошел и к самому морю¹⁰⁵.

Ведь сначала он [Циклоп] спустился к воде, а потом уже достиг глубокого места. [18] Парентесис — это когда вставленное нами предложение, будучи изъятым из середины высказывания, не нарушает его целостности, например (*Verg. Aen.* 1.643–644):

Aeneas (neque enim patrius consistere mentem
passus amor) rapidum ad naves praemittit Achaten.

104 У Исидора с *petivit* ‘захотел’ связано *placitum* ‘удовольствие’ вместо *placidum* ‘мирная’ (sc. дремота) в принятом тексте.

105 Перевод А. А. Фета под ред. Д. И. Нагуевского.

Тотчас Эней (ведь в сердце отца не знает покоя
К сыну любовь) проворного тут посылает Ахата.

[Ведь по порядку так: «Тотчас Эней проворного тут посылает Ахата».] А то, что в середине, — это парентесис. [19] Тмесис есть рассечение одного слова вставкой других слов, например (Verg. *Aen.* 1.412):

[et] multum nebulae circum dea fudit amictum,
Облака плотный покров вокруг них сгустила богиня,

вместо *circumfudit* [‘вкруг сгустила’]. [20] Синтесис — это когда слова надерганы отовсюду и перемешаны, например (Verg. *Aen.* 2.348–353):

...iuvenes, fortissima frustra
pectora, si vobis audendi extrema cupido
certa sequi, quae sit rebus fortuna videtis:
excessere omnes adytis arisque relictis
di, quibus inperium hoc steterat; succurritis urbi
incensae. moriamur et in media arma ruamus.

...О юноши, тщетно пылают
Храбростью ваши сердца! Вы готовы идти, не колеблясь,
С тем, кто решился на все, — но исход вам известен заранее!
Все отсюда ушли, алтари и храмы покинув,
Боги, чьей волей всегда держава наша стояла.
Что же! Погибнем в бою, но горящему граду поможем!

Порядок тут таков: *iuvenes fortissima pectora, frustra succurritis urbi incensae, quia excesserunt dii. Vnde si vobis cupido certa est me sequi audentem extrema, ruamus in media arma et moriamur* [«О юноши, пылают храбростью ваши сердца! Тщетно горящему граду спешите помочь, ибо боги ушли. И если готовы идти, не колеблясь, с тем, кто решился на всё, головы сложим в бою и погибнем!»].

[21] Гипербола означает величие на грани и за гранью вероятия, например (Verg. *Aen.* 3.423):

...sidera verberat unda;
...звёзды струями хлещет [Харибда];

или (Verg. *Aen.* 1.106–107):

[Hi summo in flucta pendent; unda dehiscens]
terram inter fluctus aperit.
[Те на вершине висят волны; тем вал, разверзаясь],
Землю вскрывает меж волн¹⁰⁶.

Таким образом нечто выходит за грань вероятия, однако не отклоняясь от пути передачи истины, пусть даже слова и превосходят то, на что указывают:

106 Перевод А. А. Фета под ред. Д. И. Нагуевского.

выглядит это произволом говорящего — но не лгущего¹⁰⁷. Этим тропом нечто может не только преувеличиваться, но и преуменьшаться. Преувеличивается: *velocior Euro* [‘быстрее Эвра’]; преуменьшается: *mollior pluma* [‘мягче пуха’], *durior saxo* [‘тверже камня’]¹⁰⁸.

[22] Аллегория есть иносказание. Звучит одно, а подразумевается другое, например (Verg. *Aen.* 1.184–185):

...tris litore cervos
prospicit errantis.

Но над морем, — заметил он, — бродят
Три оленя больших.

Здесь подразумеваются три вождя Пунической войны, или три Пунические войны. Или в *Буколиках* (Verg. *Ecl.* 3.71):

aurea mala decem misi,
Яблок десяток послал золотых,

то есть послал Августу десять пастушеских эклог. Есть много видов этого тропа, среди которых выделяются семь: ирония, антифрасис, загадка, хариентисм, паремия, сарказм и астисм.

[23] Ирония есть высказывание, где произношением (*per pronuntiationem*) дается указание на противоположный смысл. Этим тропом остроумно обвиняется либо осмеивается нечто, например (Verg. *Aen.* 1.140–141):

vestras, Eure, domos; illa se iactet in aula
Aeolus, et clauso ventorum carcere regnet.

Ваши, Эвр, домá. Так пусть о дворе печется
И над темницей ветров Эол господствует прочной.

Какой же двор, если это темница? Ответ в произношении: ‘темница’ — [обычное] произнесение, ‘печется’ и ‘двор’ — ирония; всё вместе благодаря различиям в произношении выражается посредством иронии, которая высмеивает, восхваляя.

[24] Антифрасис — это выражение (*sermo*), которое следует понимать от обратного, например *lucus* [‘лес’], поскольку тут недостает света (*lucem*) из-за густой тени листвы; или *manes* [‘маны’], то есть ‘кроткие’, хотя они суровы, и ‘скромные’, когда они ужасны и свирепы (*inmanes*); или *Parcas* и *Eumenides* [Εὐμενίδες: ‘Благосклонные’] — а ведь Фурии никого не щадят (*parcant*), никому не благодетельствуют. С использованием этого тропа и карликов называют ‘Атлантами’,

107 *Ut voluntas loquentis, non fallentis appareat.* Cp. Quint. *Inst.* 8.6.76–77: *Monere satis est mentiri hyperbolens nec ita, ut mendacio fallere velit* («Достаточно обратить внимание, что гипербола лжет — но без желания лгать»).

108 Почему «тверже камня» — преуменьшение? Возможно, потому, что сравнение это у латинских поэтов появляется в негативном контексте — для описания жестокосердной Анаксареты, отвергнувшей любовь Ифиса (Ovid. *Met.* 14.712–713), или в обращении Геракла к своей гибели (Sen. *Herc. O.* 1272).

и слепцов — ‘зрячими’, и, в просторечье, эфиопов — ‘серебристо-белыми’¹⁰⁹. [25] Различие между иронией и антифрасисом в том, что ирония только произношением указывает на подразумеваемое, например когда мы говорим человеку, который всё делает плохо: «Хорошо же ты это делаешь!»; антифрасис же обозначает противоположное не голосом произносящего, но только самими словами, у которых начала противоположны.

[26] Загадка (aenigma) есть темный вопрос, который трудно разгадать, если не покопаться, как, например, такой (Суд. 14:14): «Из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое», что означает мед, извлеченный из пасти льва. Разница между аллегорией и загадкой вот в чем: аллегория двояка и под видом одной вещи образно указывает на другую; в загадке же просто смысл тесен и только намечен теми или иными образами.

[27] Хариентисм — это такой троп, когда нечто тягостное высказывается в приятной форме, например на вопрос «нас кто-нибудь искал?» нам отвечают: «ваше счастье», из чего можно понять, что никто. [28] Паремия есть пословица, подходящая к тем или иным вещам и ситуациям. К вещам, например, такая: *Contra stimulum calces* [‘прешь на рожон’], подразумевая сопротивление неудачам. К ситуациям: *Lupus in fabula* [‘легок на помине’, букв. ‘волк в басне’]. Как рассказывают крестьяне, человек теряет дар речи, если увидит перед собою волка. Так что эту же пословицу говорят и тому, кто внезапно умолкает: *Lupus in fabula* [‘словно привидение увидал’]. [29] Сарказм — это неприязненная насмешка, исполненная язвительности, например (Verg. *Aen.* 2.547–549):

[cui Pyrrhus]: ‘referes ergo haec, et nuntius ibis
Pelidae genitori; illi mea tristia facta
degeneremque Neoptolemum narrare memento’.

[Пирр отвечал]: «Так ступай, и вестником будь, и поведай
Это Пелиду-отцу. О моих печальных деяньях
Всё рассказать не забудь и о выродке Неоптолеме».

[30] Противоположность этому астисм — вежливость без запальчивости, например (Verg. *Ecl.* 3.90–91):

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi,
atque idem iungat vulpes et mulgeat hircos.

Бавия кто не отверг, пусть любит и Мевия песни, —
Пусть козлов он доит и в плуг лисиц запрягает.

То есть: кто не отверг Бавия, пусть в наказание любит и Мевия. А Мевий и Бавий были посредственными поэтами и недругами Вергилия. И кто питает к ним любовь, тот совершает нечто противоестественное, вроде как в плуг запрягает лисиц и доит козлов.

109 Hier. *Epist.* 40 (100): «et lucus ideo dicatur, quod minime luceat, et Parcae ab eo, quod nequaquam parcant, et Eumenides Furiae et vulgo Aethiopes vocentur argentei (и лес зовется так, поскольку вовсе не светло в нем, и Парки потому, что никого не пощадят, и Фурии Евменидами, и эфиопы в просторечьи — серебристыми-белыми)».

[31] Гомеосис на латынь переводится как уподобление [similitudo: ὁμοίωσις]: с его помощью описание какой-то менее известной вещи проясняется более известной, которая ей подобна. Есть три вида этого тропа: икона, парабола и парадигма, то есть образ, сравнение и пример. [32] Икона [icon: εἰκών] есть образ, с помощью которого мы пытаемся выразить облик вещи исходя из вещи подобного рода, например (Verg. *Aen.* 4.558–559):

omnia Mercurio similis, vocemque coloremque
et crines flavos et membra decora iuventa.

Всем с Меркурием схож: лицо, румянец и голос
Те же, и светлых кудрей волна, и цветущая юность.

Таким образом, сходство в отношении внешности соответствует тому, чью личность представляет поэт. [33] Парабола — это сравнение, исходящее от несходных вещей, например (Lucan. *Bell. civ.* 1.205–207):

...sicut squalentibus arvis
aestiferae Libyae visus leo cominus hostem
subsedit.

...Так в знойной пустыне Ливийской
Лев, заметивши вдруг врага у себя по соседству,
Весь припадает к земле.

Здесь поэт сравнил Цезаря со львом, выстраивая уподобление не из его же рода, но из чужого. [34] Парадигма [paradigma: παράδειγμα 'образец'] — это пример сказанного либо сделанного кем-то, или нечто подходящее для вещи, которую мы описываем исходя из подобного либо неподобного рода, например: «Столь же отважно встретил смерть под Гиппоном Сципион, как под Утикой — Катон».

[35] Сравнение (similitudo) может быть трех разновидностей: от равного, от большего, от меньшего. Пример от равного (Verg. *Aen.* 1.148–149):

ac veluti magno in populo cum saepe coorta est
seditio.

Так иногда начинается вдруг в толпе многолюдной
Бунт.

От большего к меньшему (Lucan. *Bell. civ.* 1.151):

qualiter expressum ventis per nubila fulmen.

Так, порождение бурь, сверкает молния в тучах.

От меньшего к большему (Verg. *Aen.* 6.119–620):

si potuit manes arcessere coniugis Orpheus,
Threicia fretus cithara fidibusque canoris,

Некогда маны жены повел Орфей за собою,
Сильный фракийской своей кифарой и струн благозвучьем,

словно имея в виду — [сильный] малой и ничтожной вещицей; иными словами, если он силен кифарой, то я — благочестьем.

xxxviii. О ПРОЗЕ¹¹⁰. [1] Проза есть протяженная речь, не связанная метрическим законом. Древние называли прозу протяженной и прямой (*rectus*). Вот и Варрон утверждает, что в выражении *prosis lectis* [‘отборной прозой’ или ‘читая прозой’] у Плавта обозначена ‘прямота’; потому речь исправная, не согнутая ритмом и называется прозою, поскольку протягивается по прямой. Другие утверждают, что прозой называется, поскольку расточительна (*profusa*), или потому что рвется вперед (*proruat*) и растекается, не зная никакого предустановленного предела. [2] Кроме того, и у греков, и у латинян занятие поэзией намного древнее занятия прозой. Всё прежде слагалось стихами, интерес же к прозе расцвел позднее. Среди греков первым записал несвязанную речь Фебекид Сиросский; у римлян первым был Аппий Слепой, сложивший несвязанную речь против Пирра. С тех пор создавались и другие образчики прозаического красноречия.

xxxix. О МЕТРАХ. [1] Метры называются так потому, что определяются известными размерами и промежутками стоп и не выходят за установленную меру длительностей. Ведь по-гречески размер называется *μέτρον*. [2] Стихи так названы потому, что выстраиваются по порядку стоп и удерживаются в определенных границах сочленениями (*articulos*), именуемыми цезурами (*caesa*) и членами. И чтобы не тянулись дольше, чем может вынести вкус, разум установил черты (*modum*), от которой они поворачивают: потому и зовутся стихами (*versus*), что поворачивают (*revertitur*). [3] Сюда же относится ритм, каковой не удерживается в определенных границах, но всё же разумно пробегает по упорядоченным стопам; латиняне зовут его не иначе, как числом (*numerus*), о чем следующее (*Verg. Ecl. 9.45*):

Numeros memini, si verba tenerem.

Я знаю тот ритм, — слова бы припомнить!

[4] Песней [*carmen*: ‘песня, поэма’] называется всё, что уложено в стопы. Считается, что имя ей дано либо оттого, что произносится урывками (*carptim*) — отсюда и сегодня мы называем очистку шерсти, при которой та рвется на части, *carminare* [‘чесанием’], — либо потому что певцы этих песен почитались умалишенными (*carere mentem*).

[5] Размеры получают свои названия по стопам, по описываемым предметам, по изобретателям, приверженцам (*frequentatoribus*), по числу слогов. По стопам прозываются такие размеры, как дактилический, ямбический, трохаический. [6] От трохея родился трохаический размер, от дактиля дактилический, и прочие так же, каждый от своей стопы. По числу — такие как гексаметр,

¹¹⁰ Текст главки идентифицируется как фрагмент одной из работ Варрона (*fr. 93 Traglia = 319 Funaioli*). Приводится абсолютно верная этимология слова *prōsa* (*sc. d̄rātīō*): *prō(u)sorsus > prōrsus > prō(s)sus* ‘прямой’ (EM, s.v. *prōrsus*).

пентаметр, триметр. Так, стих сенарий мы именуем по числу стоп. Греки же, отсчитывая двойные стопы, называют его триметром. Передают, что первым латинские гексаметры создал Энный; их же называют ‘длинными’ стихами. [7] По изобретателям названы такие размеры, как анакреонтов, сапфический, архилохов. Анакреонтов размер создал Анакреонт; сапфический — женщина Сапфо; архилоховым писал некто Архилох; колофонские разрабатывались неким колофонцем. Открывателем сотадических стихов был Сотад, родом критянин¹¹¹. Симонидовы же размеры создал лирический поэт Симонид.

[8] По приверженцам — например, асклеиадовы. Ведь не Асклеиад их избрал, а названы так потому, что он их применял с наибольшим изяществом [и постоянно к ним обращался]. [9] По описываемым предметам — такие как героический, элегический, буколический. Героической песней называется такая, в которой повествуется о деяниях и свершениях сильных мужей. Ведь героями прозываются мужи как бы окрыленные (аегии) и достойные неба за свою мудрость и стойкость. Этот размер¹¹² авторитетом превосходит все прочие; один из всех он годится как для вещей великих, так и для малых, равно не чужд прелести и приятности. [10] За эти достоинства он единственный заслужил такое имя, прозываясь ‘героическим’, дабы увековечивать героические деяния. Превосходит он прочие и простотою, ибо состоит из двух стоп, дактиля и спондея, а часто и полностью из того либо другого; впрочем, наиболее размеренный выстраивается как смесь обоих стоп, а не из единственной.

[11] Он первый среди всех размеров. Задолго до Ферекида и Гомера, впервые, как доказано, Моисей пропел им песнь *Второзакония* (*Втор.* 32–33). Отсюда явствует, что занятия поэзией среди евреев древнее в сравнении с язычниками, вот и Иов во времена Моисея обратился к подобию гексаметра, чередуя дактиль и спондей¹¹³. [12] Среди греков, как передают, первооткрывателем его

111 Трудно сказать, что здесь подразумевается под *Colophonía* и «Колофонцем»: список знаменитых поэтов из этого богатого на таланты ионийского города возглавляет элегик Мимнерм (fl. ок. 630–600 до н. э.), если не сам Гомер. О Сотаде (Σωτάδης, родом скорее из фракийской Маронеи, чем с Крита, 3 в. до н. э.) нам известно из Плутарха, Афиня, *Суды* и, главное, Гефестиона, описывающего его размер (Σωτάδειον) как «выдающийся образец брахикаталектического тетраметра» (*Ench.* 36.6–7 Consrbruch). Возможно, в источнике Исидора имелись в виду не метрические особенности колофонского и сотадического стихов, а жанровые — соответственно, дидактизм (ср. Никандра Колофонского, 2 в. до н. э.) и непристойная сатира на сильных мира сего, за которую Сотад поплатился головой. Ср., впрочем, упоминания «сотадического метра» в несомненно знакомой Исидору поэме Теренциана Мавра *De litteris, syllabis et metris* (1509–1510, 2838; GL 6.370, 409).

112 То есть дактилический гексаметр.

113 Ср. гебраистические находки Иеронима в *Praef. Vulg. Job* (PL 28.1140): «A principio itaque voluminis, usque ad verba Job, apud Hebraeos prosa oratio est. Porro a verbis Job, in quibus ait, *Pereat dies in qua natus suum, et nox, in qua dictum est, conceptus est homo*, usque ad eum locum ubi ante finem voluminis scriptum est: *Idcirco ipse me reprehendo, et ago poenitentiam in favilla ei cinere*: hexametri versus sunt, dactylo spondaeoque currentes: et propter linguae idioma, crebro recipientes et alios pedes, non earumdem syllabaram, sed eorumdem temporum, etc. (Итак, от начала книги и до слов Иова, по-еврейски проза и есть проза. Но далее, от слов Иова, где говорит: *Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано:*

был Ахатесий Милетский¹¹⁴, а по мнению других — Ферекид Сиросский. До Гомера этот размер назывался пифийским, а уже после Гомера получил имя героического. [13] Пифийским же, как уверяют, прозван был потому, что такого рода размером слагались оракулы Аполлона. Ведь когда на Парнасе, мстя за мать, Аполлон настиг стрелою змея Пифона, обитатели Дельф ободряли его этим самым размером, приговоривая, по словам Теренциана, ἡ παιάν, ἡ παιάν, ἡ παιάν¹¹⁵.

[14] ‘Элегический’ [метр] называется так потому, что его модуляция подходит для печальных песен. Теренциан (*Syll.* 1799–1800; GL 6.379):

hos elegos dixere, solet quod clausula talis
tristibus, ut tradunt, aptior esse modis.

Стих элегический так называют: строкой заключенья
Грустным, как говорят, лучше подходит ладам.

[15] Едва ли вообще можно с уверенностью утверждать, кем он изобретен, разве что у нас его первым точно использовал Энний. А у греков до сих пор тянется тяжба по этому делу, и каждый судья решает по-своему. Иные полагают его изобретателем и зачинателем какого-то колофонца, иные — Архилоха.

[16] Поэзию буколическую, то есть пастушескую, по мнению многих впервые начали слагать пастухи из Сиракуз, хотя некоторые указывают на Лакедемон. Ведь случилось, что Ксеркс, царь персов, переправился во Фракию, и спартанские девы из страха перед врагом не вышли из города и не справили по обычаю торжества с деревенскими хороводами в честь Дианы, и тогда толпа пастухов, дабы не пропускать обряда, отпраздновала его своими безыскусными песнями. Называются они по большей части буколическими, хотя в них содержатся речи и напевы овчаров и козопасов¹¹⁶.

[17] Первый гимн, как очевидно, сочинил во славу Господа и пропел Давид-пророк. Среди язычников первой создала гимн в честь Аполлона и Муз Меммия Тимотоя¹¹⁷, и было это во времена Энния, много спустя после Давида. В переводе с греческого на латынь гимны [ἦμνοι: ὕμνοι] означают ‘хвалы’ (laudes).

[18] Эпиталамии — это свадебные песни, которые люди ученые (scholastici) распевают в честь жениха и невесты. Первую песнь такого рода сочинил

зачался человек! — вплоть до того места перед самым концом книги, где написано: *Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле,* — имеем стихотворные гексаметры, вереницу дактилей со спондеями, и по причине своеобразия языка они часто допускают и другие стопы — не с теми же самыми слогами, но с теми же длительностями и т. д.)».

114 То есть Гекатей Милетский (Ἐκαταῖος, ок. 550 — ок. 476).

115 Ter. Maur. *Syll.* 1586–1596; GL 6.373. ἡ Παιάν — рефрен гимнов Асклепию и Аполлону.

116 Греч. βοικóλος означает прежде всего ‘волопаса, пастуха коров’, хотя, как и отмечает здесь Исидор, герои буколической поэзии — это прежде всего пастухи овец и коз

117 *Memmia Timothoe*: одна из Исидоровых загадок. Атилий Фортунатиан (GL 6.284) упоминает в похожем контексте некую Фемоною (Phemone), а больше об этом персонаже ничего не известно — остается лишь вслед за Гриалем многообещающе отмахнуться: *qua de re amplius quaerendum.*

Соломон во славу Церкви и Христа. Отсюда язычники заимствовали эпиталамий и усвоили такого рода песни. Поначалу этот род исполнялся язычниками на сцене, после он удержался только на свадьбах. А называется эпиталамием потому, что распевался в брачных покоях [thalamus: θάλαμος].

[19] Первый трен [trenos: θρήνος], который по-латыни мы называем 'плачем' (lamentum), составил в стихах Иеремиа, оплакивая [разоренный] Иерусалим и народ [Израиля], когда тот [подвергся разорению] и был уведен в плен. После него у греков [первым был] лирический поэт Симонид. Применялись для похорон и оплакиваний, как и теперь. [20] Эпитафия по-гречески [ἐπιτάφιος], по-латыни — 'надгробная' (supra tumulum): это посмертная надпись (titulus mortuorum), слагаемая на усупение тех, кто ныне почил. А пишут в ней о жизни, нравах и возрасте усопших. [21] Греческим именем 'поэсис' [poesis: ποίησις] называется произведение, состоящее из множества книг, идиллией — из немногих стихов, дистихом — из двух, моностихом — из одного. [22] Эпиграмма — это начертание (titulus), на латынь переводится как 'надпись': ведь по-гречески ἐπί — 'над', а γράμμα — 'буква', или 'запись'. [23] Эпод — это краткий заключительный стих (clausula) в поэме. Эподом называется потому, что принадлежит к разновидности элегии, где более длинные стихи чередуются с более короткими, так что меньшие, следуя по одному за каждым бóльшим, как бы откликаются припевом заключений (clausulae). [24] 'Заключениями' лирические поэты называют стихи как бы урезанные в сравнении с цельными, как у Горация (Hor. *Epod.* 2.1):

Beatus ille, qui procul negotiis,
Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,

а дальше следует урезанный:

ut prisca gens mortalium;
Как первобытный род людской¹¹⁸;

так же и далее чередуются через один стихи, у которых недостает некоторой части, притом сами подобны предшествующим, только короче¹¹⁹.

[25] Центонами у грамматиков принято называть произведения, в которых сшиваются в единое тело собственного творения уже существующие строки, надерганые из песен Гомера либо Вергилия на манер множества лоскутов (more centonario) исходя из возможностей материала. [26] Например, Проба, жена Адельфа, из обильных выдержек из Вергилия сложила центон о мироустроении и евангелиях, составив материал в соответствии со стихами и выправив стихи согласно материалу. Так и некий Помпоний, черпая из того же

118 Перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского.

119 Горациевы эподы — это ямбические двустушия с чередованием триметров и диметров. Ἐπόδος, собственно, и означал изначально укороченный стих — 'припев' (clausula): лишь впоследствии так стали называть стихотворение такого рода в целом.

поэта, преобразил на досуге под пером своим, среди прочего, «Титира» [sc. «Буколики»], в славословие Христу; так же из «Энеиды»¹²⁰.

XL. О СКАЗКАХ. [1] Сказки (*fabula*) называются так поэтами от сказывания (*a fando*), ибо это не реальные вещи, а лишь нечто вымышленное и рассказанное. Преподносятся они затем, чтобы в разговорах вымышленных бессловесных животных можно было распознать некий образ человеческой жизни. Как передают, первооткрывателем их был Алкмеон из Кротона, а ‘эзоповскими’ прозываются потому, что среди фригийцев Эзоп особенно ценился как их автор. [2] Сказки бывают эзоповские либо ливийские (*Libysticae*). Эзоповские — это вымысел о беседующих между собою бессловесных животных или каких-нибудь неодушевленных вещах, вроде городов, деревьев, гор, камней, рек. Ливийские — вымысел о словесном общении людей со зверями или зверей с людьми. [3] Некоторые сказки придумываются поэтами ради развлечения, некоторые толкуют о природе вещей, другие — о людских нравах. Придуманные ради развлечения — это те, что рассказываются среди простого народа, а также и те, что сочинены Плавтом и Теренцием. [4] О природе вещей толкует, например, сказка о «Хромом Вулкане» — ведь по природе огонь никогда не бывает прям, — или тот троевидный зверь (*Lucr. 5.903*):

prima leo, postrema draco, media ipsa Chimaera,
Спереди лев, позади дракон, посредине Химера,

то есть серна [*carrea: χίμαιρα*] — этим хотят показать различие трех возрастов человека: сперва юность, необузданная и неукротимая, как лев; середина жизни, самое ясное время, изображается серной, потому что у той самое острое зрение; затем старость, согбенная грузом забот (*casibus inflectis*), дракон. [5] Так же и сказка о гиппокентавре, то есть помеси человека с конем, придумана для изображения скоротечности человеческой жизни, ибо конь считается самым быстрым.

[6] О нравах — как у Горация мышь говорит с мышью и ласка с лисицей, чтобы с помощью вымышленного повествования передать правду жизни. Вот и Эзоповы сказки имеют в виду изображение нравов, как и рассказ из *Книги Судей* (*Суд. 9:8*) о деревьях, решивших поставить над собою царя и обратившихся к маслине и смоковнице и виноградной лозе и терновнику; всё это вымышлено для показа нравов, и имеются в виду реальные вещи — повесть вымышленна, но оказывается правдой жизни. [7] Так и оратор Демосфен использовал сказку против Филиппа, который потребовал от афинян выдать ему десятерых ораторов, и он удалится; и тогда Демосфен придумал ту сказку, чтобы разубедить сограждан — рассказал о волках, которые задумали как-то обмануть

120 Фальтония Бетиция Проба (ок. 306/315 – ок. 353/366), жена Клодия Цельсина Адельфа, префекта Рима в 351 г., — автор произведения, позже названного *Cento vergilianus de laudibus Christi* (у Исидора: *De fabrica mundi et evangelii*). О Помпонии (*Pomponius, v.l. Pompinus*) больше ничего не известно.

бдительность пастухов, предложив поладить и подружиться, но при условии, чтобы им законным путем выдали псов, в каковых коренилась причина раздоров: пастухи согласились и в надежде на безопасность выдали псов, в которых имели надежнейших сторожей своих овец. И когда не стало устрашения, волки разодрали всё поголовье тех стад, и не только насыщения ради, но и чисто для удовольствия. Вот и Филипп, утверждал он, требует вожаков народа, чтобы тем проще было поставить на колени лишившийся стражей город.

ХI. ОБ ИСТОРИИ. [1] История есть повествование о деяниях (*rei gestae*), из которого узнается то, что было совершено в прошлом. Ἱστορία — это по-гречески ἄλλο τοῦ ἱστορεῖν, то есть от 'видения' или 'разведывания'. В старину никто не писал историю, если сам не принимал участия в событиях, если сам не видел описываемого. Ведь мы лучше постигаем увиденное воочию, нежели узнанное понаслышке. [2] Об увиденном повествуется без обмана (*sine mendacio*). Эта наука относится к грамматике, потому что всё достойное памяти запечатляется письменами. А памятниками (*monumenta*) истории зовутся потому, что предоставляют память о деяниях. Цепочкой (*series*) же [история] зовется по аналогии с гирляндами (*sertis*) переплетенных друг с другом цветов.

ХII. О ПЕРВЫХ АВТОРАХ ИСТОРИЙ. [1] Первым у нас написал историю, от начала мира, Моисей. У язычников же первым был Дарет Фригийский, составивший историю о грехах и троянцах, которая была записана им, как рассказывают, на пальмовых листьях. [2] После Дарета первым в Греции занялся историей Геродот. После него Ферекид, прославившийся во времена, когда Ездра записал Закон.

ХIII. О ПОЛЬЗЕ ИСТОРИИ. [1] Истории о язычниках не мешают желающим находить пользу в прочитанном. Ведь многие мудрецы заносили дела минувшие человечества в истории ради устройства и наставления ныне живущих. А еще благодаря истории они постигают общий счет всех истекших времен и лет; и немало незаменимого находят в чередѣ консулов и царей.

ХIV. О РОДАХ ИСТОРИИ. [1] История — тройственный род. Эфемеридой называется хроника (*gestio*) одного дня. У нас это называется дневником (*diarium*). Ведь греки называют 'эфемеридой' [ἡμερίς] то, что по-латыни зовется 'поденной' (*diurnum*). [2] Календари — это подробное описание каждого месяца. Летопись (*annales*) — дела отдельно взятых лет. [3] Всё достойное памяти в мирное время и на войне, на море и на суше — заносилось погодно в архивы (*commentariis*), и от череды сменяющихся лет получило имя летописей. [4] История охватывает множество лет или времен, ее стараниями погодные записи заносятся в книги. Разница между историей и летописями вот в чем: история относится к тому времени, которое мы видели воочию, летописи — о тех летах, которые нам по возрасту знать не дано. Поэтому Саллюстий — это история, а Ливий, Евсевий и Иероним — смесь из летописей и истории. [5] Еще есть разница между историей, сюжетом (*argumentum*) и сказкой. Истории — это достоверные, реально произошедшие вещи; сюжеты — вещи хотя и не

произошедшие, но могущие произойти; сказки же — это то, что и не случилось, и не может произойти, поскольку противно природе¹²¹.

THE ETYMOLOGIES I: ON GRAMMAR

Isidore of Seville

Translation and notes by Alexei Garadja

Alexei Garadja

Senior Research Fellow

Russian State University for the Humanities, Platonic Investigations Center (PlnC)

Address: 6 Miusskiy square, Moscow 125047, Russia.

E-mail: agaradja@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.31119/essephts.2020.5.1-2.10>

ESSE: Studies in Philosophy and Theology. Vol. 5. No. 1/2. 2020. P. 269–322.

© Alexei Garadja, transl., notes, 2021

121 Ср. *Rhet. Her.* 1.8.13, в частности определение: «Argumentum est ficta res, quae tamen fieri potuit, velut argumenta comoediarum (Рассказ есть вымысел, который, однако, может произойти, как сюжеты комедий)». И, конечно, о многозначности термина *argumentum* у Квинтилиана (*Inst.* 5.10.9) с таким выводом: «Quo apparet omnem ad scribendum destinatum materiam ita appellari (Так называются всякий предназначенный для записи материал)».